

МАРК АГАТОВ

П'СЯХУШКА

Марк Агагов

Психушка

«Издательские решения»

Агатов М.

Психушка / М. Агатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748449-1

Я отдал свой роман о любви санитару психбольницы. Его звали Гарри Барский. Теперь он известный писатель Маркус Крыми. Бывший санитар психбольницы дает интервью журналистам, рассказывает о муках творчества и планах на будущее. Но я на него не обижаюсь. В конце концов, каждый человек имеет право на минуту славы. Пусть радуется жизни, а когда он мне надоест, я его убью.

ISBN 978-5-44-748449-1

© Агатов М.
© Издательские решения

Содержание

Психушка	6
Вместо предисловия	7
«Сумасшедшая любовь» вместо «Пятой колонны»	10
Кинороман Маркуса Крыми	13
Любовь под гипнозом	15
Кодирование	16
Погром в хирургии	25
Доктор Фридман	29
Королева Марго	36
Книга о гипнозе	47
Встреча с колдуном	50
Муки ревности	67
Разбор полетов	70
«Голубые»	72
Тренировка	82
Бред ревности	86
Брудершафт на крыше	90
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Психушка

Марк Агатов

Редактор М. Ильин

Дизайнер обложки Марк Агатов

Фотограф Марк Агатов

© Марк Агатов, 2018

© Марк Агатов, дизайн обложки, 2018

© Марк Агатов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-8449-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Психушка

Я отдал свой роман о любви санитару психбольницы. Его звали Гарри Барский. Теперь он известный писатель Маркус Крыми. Бывший санитар психбольницы дает интервью журналистам, рассказывает о муках творчества и планах на будущее. Но я на него не обижаюсь. В конце концов, каждый человек имеет право на минуту славы. Пусть радуется жизни, а когда он мне надоест, я его убью.

Вместо предисловия

Первым крамолу в романе обнаружил редактор издательства «Наш детектив» Степан Кривуля, длинный тощий язвенник, полгода назад он перебрался в Россию из западной части Украины.

– Это диверсия. Маркус Крыми (настоящей фамилии автора он не знал) хочет нас пустить по миру. Он на святое замахнулся, на западные гранты, – сообщил директору издательства Алексею Македонскому Кривуля. – Да если мы позволим хоть намекнуть на то, что получатели американских грантов связаны с ЦРУ, нас сотрут в порошок. Во-первых, книги нашего издательства перестанут продавать на Украине. А это огромный рынок, это стабильные доходы. 20 процентов наших читателей живет на Украине. Но это еще не все. Мы потеряем половину рынка сбыта здесь, в России. Да им, там, в штатах, стоит только намекнуть, как на наше издательство набросится сотня прикормленных борзописцев-грантоедов. Они камня на камне не оставят от изданных нами книг. Я, конечно, тоже, как и все, ратую за свободу слова и право автора на свою точку зрения, но только не в этом вопросе. Тем более, что «Пятая колонна» никакой не роман, а самый настоящий памфлет. У него в тексте рядом с выдуманными героями присутствуют реальные живые люди.

– Не понял, о чем это ты? – нахмурился Македонский.

– Ну, как бы вам лучше объяснить, вот, к примеру, у Федора Достоевского в «Бесах» есть такой герой – Кармазинов, так он был живым человеком. А Достоевский взял и живого человека засунул в роман.

– С Достоевским я понял, на него в суд подавать поздно, а кого Маркус Крыми из живых засунул в свой роман? – напрягся Македонский.

– Там есть два реальных человека – это Ядвига и Казимир Бжежинские. Вы скажите, зачем он играет с огнем. Я общался с госпожой Бжежинской. У нее большое будущее. Женщина широчайшей души. Понимает все с полуслова. Я к ней по поводу гранта на «независимость» приходил. Дала сразу!

– Чего она дала тебе? – с подозрением посмотрел на главного редактора Македонский.

– Нет, вы не подумайте ничего плохого. Я оказался не в ее вкусе. Хотя меня перед свиданием с Бжежинской убеждали в обратном. Но деньги дала. Три тысячи долларов на «независимость».

– Так ты тоже из этих, из грантоедов!? – возмутился Македонский.

– А что тут плохого? У интеллигенции денег нет. Вот и идешь к ним с заявкой на грант и анкетой. Если понравится, помогут. А то, что он понаписал про Ядвигу Бжежинскую, полное вранье. Она порядочная женщина, кристально честная и большая умница, – перешел на шепот Степан Кривуля. – Если она подаст в суд, мы ничего не докажем. А еще мне в офисе этой организации сказали по секрету, что через несколько лет она уйдет из ЦРУ и станет ближайшим помощником президента США!

– За какие грехи ее туда возьмут? – засомневался Македонский. – Баба-то она никакая.

– Это автор ее такой представил в своем романе-памфлете, а в жизни то она лучше моей жены. И я бы с удовольствием, не задумываясь, полюбил бы Ядвигу два раза.

– Почему только два? – удивленно посмотрел на редактора Македонский. – Если хорошая баба, то ее можно и подольше погонять. Чего себя ограничивать. Я когда с гимнастками работал, у меня до восьми раз доходило.

– Вы же крупный мужчина, можете себе позволить, а мне бы и двух раз хватило, но она не проявила интереса. Так вот ее туда возьмут на работу за высочайшую толерантность к мужчинам, а президентом США тогда будет негр из Африки.

– Все, Кривуля, иди, лечись. Про эту «целомудренную» я бы еще поверил, но чтобы президентом США стал негр – это уже надо к врачу. Ты хоть понимаешь, что такое Америка!?

– Все, ни слова больше о политике, – засуетился Кривуля. – Я в это и сам не верю! Считайте, что я об этом не говорил. Давайте решать вопрос по существу. Я предлагаю, пока не поздно, за эту провокацию разорвать договор с Маркусом Крыми и официально отмежеваться от его писанины.

– погоди, не суетись под клиентом. А ну-ка разьясни мне, я все больше спортом занимался. Кто эти самые памфлеты кроме Достоевского еще писал? Чисто конкретно для расширения кругозора.

– Многие. Максим Горький, Карл Маркс, Фридрих Энгельс и даже вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин.

– Ни хрена себе! Маркс, Энгельс, Ленин, Достоевский и Маркус Крыми. Крыть-то чем будем при таких авторитетах? Афроамериканским президентом Америки из твоей головы!? Кривуля, температуру померь!

– А если она в суд подаст?

– Кто? Ядвига Бжежинская? И чего она докажет? Пожалуется в суд, что узнала себя в героине романа!? Кривуля, а, может, ты у меня здесь не редактор, а засланный казачок?

– При чем тут это? Я к вам по рекомендации приехал, не с улицы пришел! – вскочил со стула редактор. – И дело здесь не в этой американке, а в том, что он на основы замахнулся, на иностранные гранты! Вот в чем опасность!

– Ты меня не агитируй за советскую власть! – недовольно мотнул головой двухметровый толстяк Македонский. – Я и без тебя знаю, о чем можно писать, а о чем молчать в тряпочку. Но и избавляться от Маркуса Крыми мы не можем. 80 процентов выручки издательству приносят его книги. Благодаря детективам ты, я, секретарша Оля и еще 18 человек каждый месяц день в день получают зарплату. Ты говорить с ним пытался?

– Два раза. Я предложил ему убрать из книги Бжежинских и эту уродину Наташу. Автор не имеет права издеваться над такими, как Наташа, феминистками. Смею заметить, что среди

наших читательниц не так много победительниц конкурсов красоты. Наш читатель – 30-летняя среднестатистическая женщина из офиса, и подобные книги они читают в метро по дороге домой.

– И много убирать придется из книги?

– Я считаю, что нужно полностью переписать вторую часть. И еще одно существенное замечание. Вместо того, чтобы лезть в политику, я бы потребовал от автора дописать постельные сцены. Что это за роман такой, повалил бабу на кровать его герой, и на этом все.

– А из зала крик: «Давай, подробности!», – поддержал редактора Алексей Македонский.

– Он мне говорит, пусть читатель сам фантазирует на эту тему, в силу своей испорченности. А если у меня уровень испорченности невысокий и я со своей женой супружеские обязанности исполняю раз в неделю «бутербродом сверху». Что я могу нафантазировать в такой ситуации? Короче, гоните вы его в шею из нашего издательства, или пусть перестраивается в соответствии с повышенными читательскими запросами к постельным сценам.

– Степан, а ты в позе наездницы свою жену не пробовал?

– Господин Македонский, ну какие в нашей жизни могут быть эксперименты, если супруга у меня потомственный бухгалтер?! У нее в голове только голые цифры. Десять минут она еще готова терпеть мой разврат, а потом все: «Не подходи!». У нее дела, больная голова или квартальный отчет.

– Значит, так, я подумал, и мы решили. Тащи сюда рукопись с твоими правками, я сам прочитаю еще раз его роман, а потом поговорю с ним.

«Сумасшедшая любовь» вместо «Пятой колонны»

Через два дня директор издательства Македонский вызвал к себе автора «Пятой колонны».

– Садись, разговор есть серьезный. Кривуля на тебя докладную написал, он считает, что своим последним романом «Пятая колонна» ты хочешь пустить нас по миру. Скажи мне, только честно, положи руку на сердце, чем тебя грантоеды иноземные обидели? Ты же этих польских волонтеров просто под орех разделал. Это уже не роман, это злой памфлет на основу демократии получился. Американцы нам деньги выделяют на строительство демократического общества, а ты их мордой об стол. А со словом «толерантность» ты что сделал. Оно у тебя синонимом, прости меня господи, б-б-блядства стало. Это же какие-то Содом и Гоморра, а не Ядвига. И она у тебя не просто баба, а сотрудник ЦРУ, руководитель целого направления! Надо исправить все! Такой футбол нам не нужен! И еще, Кривуля вопрос задает, почему ты героев доводишь до постели, и все? На самом интересном месте точка! А потом уже утро, диалог любовников после ночи любви.

– А зачем подробности в механике процесса? – удивился автор. – Я ж не «Камасутру» пишу и не инструкцию по этому делу. Читатель имеет право сам дофантазировать процесс зачатия ребенка.

– Теперь, послушай меня, опытного человека, который прожил большую бурную жизнь, работая с женскими командами по гимнастике, волейболу и баскетболу, – повысил голос директор. – Так вот, народ само зачатие ребенка и беременность твоих героинь не интересует не только в книгах, но и в жизни. Лично я никогда до зачатия своих спортсменок не доводил, и если случайно получалось что-то не так, я требовал вернуться в исходную позицию. И они выполняли мою команду. Ты только представь, что бы было, если б я дал слабинку и пустил процесс зачатия на самотек. Да тогда бы по стране бегало еще сто Македонских. А вот «механика процесса», как ты говоришь, меня интересовала всегда, и не только меня. Эта тема волнует большинство наших читателей, и особенно читательниц. Ну, не у всех же такая бурная фантазия, как у тебя. Кривуля мне заявил, что он свою жену-бухгалтера любит только «бутербродом сверху» раз в неделю. И что он может нафантазировать, читая твои книги? Все тот же «бутерброд»! Короче, грантоедов убрать, а «механику процесса» расширить и углубить, как говорил на последнем съезде Михаил Сергеевич Горбачёв. И еще, тут тебе приглашение прислали на музыкальный фестиваль в Казантипе. Съезди, проветришься и подумай о нашем разговоре. Ты же молодой еще, перспективный писатель, ну зачем тебе на мамонта с дубиной бросаться, когда вокруг столько тем, красивых женщин и сюжетных поворотов. ЦРУ – это серьезная организация. Там не таких, как ты, ломали. На грантоедов замахнулся, а их уже десятки, сотни тысяч в стране. Это уже не дивизия, целая армия, которая по свистку из Америки тут такое устроит, президенту места мало будет! Я предлагаю «Пятую колонну» в название книги сменить на «Сумасшедшую любовь» с подробным описанием постельных сцен.

– Из этого разговора я сделал вывод, что ретроград Македонский в бандитские девяностые ввел цензуру в художественной литературе. Этим вы и запомнитесь потомкам, – с угрозой в голосе произнес автор.

– Меня потомки не волнуют! – повысил голос Македонский. – Это такие писатели, как ты, о посмертной славе мечтают. А я об издательстве нашем думаю, о чистой прибыли, о нало-

гах, о зарплате, наконец, и о твоём гонораре! Я в этом кресле все время как на вулкане с такими авторами! Твоя задача – романы писать, а не памфлеты на ЦРУ и афроамериканского президента США.

– Стоп! Какой афроамериканский президент Америки? Это ж какую травку надо курить, чтобы меня обвинять в клевете на избирателей США?! Да что там избиратели, весь американский народ. Вы подумали, о чем сказали сейчас? – неожиданно заорал Барский. – Нет, у меня в романе негра-президента США. Баба сексуально озабоченная есть, польский профессор-импотент есть, а президентом США там и не пахнет! У меня с головой все в порядке. В Америке негра президентом не выберут. Никогда!

– Никогда не говори никогда, – почесал за ухом директор издательства. – Это мне ночью приснилось. Сначала свадьба двух мужиков, а потом черный человек в «белом доме». От Кривуля заразился.

– Македонский, это первый звонок. Вначале демоны во сне в гости приходят, а потом остаются в голове навсегда.

– Это не демоны, – повысил голос директор. – Это наше светлое будущее во мне проснулось. Но мы отвлеклись. В договоре с тобой записано, что ты каждые полгода сдаешь мне роман, детектив. А ты притащил памфлет!

– Какой памфлет? Это самый настоящий роман! Я вам не Ленин с Энгельсом и Достоевским, чтобы памфлеты писать! Я иронический детектив вам принес, а не памфлет!

– Кривуля в твоей писанине увидел памфлет, потому что ты про его знакомую бабу написал.

– И что это за баба?

– Ядвига Бжежинская!

– Врет Кривуля! Врет, как сивый мерин! Чтобы Бжежинская позарилась на это сексуальное ничтожество! Да в ее первой сотне – лучшие жеребцы США, Польши и Украины были. При чем тут Кривуля с его женой-бухгалтером!? На вас она еще могла бы свой толерантный глаз положить, а на таких, как Кривуля, – ни за что!?

– Вот тут я с тобой полностью согласен, – приосанился Македонский. – Кривуля попытался опустить художественный уровень романа до своего уровня. На меня она могла бы положить, тут к бабке не ходи! И я бы ей показал, где раки зимуют! А Кривуля не по этой части. Поэтому езжай на фестиваль, пообщайся, как говаривал Райкин, «с людьми», потанцуй, музыку послушай, и как вернешься, с тебя любовный роман о твоих любимых женщинах. А эту Бжежинскую – оставь Кривуле, пусть медитирует на нее по утрам.

Барский спорить с директором издательства не стал. Предложение Македонского показалось ему не таким уж плохим.

«И вправду, а почему бы не написать роман о своих женщинах? Без купюр. Красиво и с любовью! А грантоедов и американских шпионов можно оставить и на потом», – подумал он, покидая кабинет директора.

**Кинороман Маркуса Крыми
«Сумасшедшая любовь»
книга для женщин, которые знают,
что такое любовь, страсть и ревность**

– Да ты спала с ним, и с санитаром, и со Старковым, и со студентами-однокурсниками. Ты – шлюха! – Владимир уткнулся лицом в подушку и громко зарыдал.

«Какой ужас, у меня муж психопат-истерик! – неожиданно осознала Алиса. – Его лечить надо, а я дура с ним в любовь играла. Глаза закрывала, Гарика на его месте представляла, и он увидел меня настоящей страстной, желанной, любимой. Я же с ним никогда такой не была. Как все было просто в теории. Закрывает глаза и представляешь себя в объятьях любимого мужчины. Ну, кто догадается, что ты отдаешься не надоевшему мужу, а своим фантазиям? И вот результат. Доигралась! Теперь, я – шлюха! Он понял, что я ему опять изменяю. Как тогда в кафе. Накануне свадьбы я пришла к своему любимому мальчику, плакала у него на груди, просила прощения и любила его, любила, любила! Плакала и любила!».

Любовь под гипнозом

*«Все события описанные в
этой книге, равно как персонажи
и организации, являются не более
чем вымыслом».*

АВТОР

Кодирование

Гарик опоздал на работу минут на пятнадцать. У входа в диспансер его встретила медсестра из регистратуры Елена Ивановна Кравчук. Ей было за пятьдесят, невысокая, полная, с кривыми ногами и плоским лицом.

– Лариса тебя убьет. Она уже пять раз звонила. Машина полчаса стоит. Тебя ждут, ваше святейшество.

– А что за паника? Свет перевернулся? – парировал Гарик.

– Ты к Ларисе беги, она тебе сама все скажет, только халат надень и шапочку. Она уже на всех наорала за эти шапочки и косынки, – предупредила медсестра.

– Я что, в хирургии работаю, чтобы в шапочке ходить? Да и нет у меня ее. Дома забыл.

– Эта отмазка не пройдет. Халат и шапочку ты должен в раздевалке оставлять, а не таскать с собой. Она тут такой разгон устроила за халатов.

Гарик не спеша надел халат и пошел к выходу из диспансера.

– Гарик, стой! У тебя другой халат есть? – остановила его Кравчук

– Зачем мне два халата?

– Этот короткий. Халат должен прикрывать колени, а у тебя куртка, а не халат.

– Зато в нем бегать хорошо и летом не жарко, – недовольно бросил Гарик, направляясь в административный корпус.

Гарику было восемнадцать. Среднего роста, быстрый в движениях, типичный южанин с черными вьющимися волосами. Он нравился девочкам, но серьезных отношений завести еще ни с кем не успел. Пробовали зацепить его внимание незамужние медсестры в больнице, но он никак не реагировал на эти предложения. Дамы в возрасте его не интересовали.

– Явился, не запылится, – увидев санитаря, возмутилась Лариса Ивановна Иванова, главврач психбольницы.

Начальником она была строгим и жестким и больше всего боялась хаоса и разболтанности. На вид ей было около сорока. Длинные черные волосы, стройная фигура гимнастки, правильные черты лица и огромные глаза делали ее весьма привлекательной. В молодости она танцевала цыганские и испанские танцы. Но красоту Ларисы Ивановны не замечал восемнадцатилетний санитар, для которого она была всего лишь старухой-начальницей.

– Ты когда на работу должен приходить? – начала традиционную проработку подчиненного Лариса Ивановна.

– В три, – буркнул под нос Гарик.

– А сейчас три часа 27 минут. Это как понимать!? Машина полчаса стоит без дела, профессора ждет.

– Я зачет сдавал по хирургии.

– И что, сдал?

– Нет, – не поднимая глаз, тихо произнес Гарик.

– Теперь это что, твоя постоянная отмазка? Ты уже пятый раз опаздываешь на работу из-за зачета. А другого придумать ничего не мог?

– Я говорил хирургу, что мне на работу надо, а он меня на закуску оставил, последним.

– Хорошо, тут изверг хирург виноват, принимаю! А халат у тебя почему на десять сантиметров выше колен? Это тоже хирург, или у вас мода такая? Наклонился, и все, что скрыто, наружу вывалил.

– А что мне прятать, я в брюках хожу. Это медсестры колени должны прикрывать и все остальное, – возразил санитар.

– Завтра увижу в этом халате – уволю!

– Ну, я пошел?!

– Куда пошел?! Тебя машина уже полчаса ждет. К социально опасным поедешь, проверить.

– Пусть сестры ходят. Это их работа.

– С врачом поедешь. Побеседовать нужно с каждым больным. У нас помощник прокурора новый. Представление на горздрав написал, что мы не контролируем социально опасных больных, и один из них совершил убийство.

– Из-за Вареника шум подняли. Так я говорил участковому психиатру, что брать его надо. Я его в трамвае видел. Он в колготках женских ехал.

– Чего ж ты не взял его сам. Мог бы пригласить больного в диспансер к доктору на беседу.

– У меня цветы в руках были. На день рождение девчонкам в группу вез, а они денег стоят.

– Вот из-за твоей жадности человек погиб. Варенников соседку убил, Марию Павловну.

– Там соседка дура, она дразнила Вареника, психом обзывала. Я предупреждал, что Вареник ее убьет, а она не слушала умного человека. Вот и пострадала баба дурная.

– Так вот, из-за этой дурной бабы и твоей жадности пострадали мы все. Прокурор проверил амбулаторные карты социально опасных больных, а там ни одной врачебной записи за последние три месяца. Поедешь с врачом и за два дня осмотрите всех.

– 48 больных за два дня, на каждого по сорок минут. Это только на одном участке, а у меня зачет по хирургии, когда я готовиться буду. Пусть врачи сами едут. Зачем я им там?

– Ты хочешь, чтоб у меня еще и врача убили на вызове? – Лариса Ивановна подняла трубку и, набрав короткий номер, вызвала участкового врача.

Через несколько минут в кабинет балетной походкой вошла стройная красивая молодая женщина, натуральная блондинка в белоснежном нейлоновом халате. От нее пахло дорогими французскими духами.

«Белая и пушистая», – пронеслось в голове у Гарика. Он, не отрывая глаз, смотрел на ее высокую грудь и осиную талию.

– Алиса Викторовна, я вас одну к таким больным посылать не могу, но раз вы изъявили желание, возьмите с собой санитар и будьте с ним построже, а то совсем разболтался, на работу опаздывает, халат в куртку превратил. Нужно подробно описать состояние каждого больного, чтобы нас потом не склоняли на каждом углу.

– Хорошо. Сделаю, – голос у врача был мягкий, бархатный и обволакивающий.

– Алиса Викторовна, на секунду останьтесь.

– Меня в машине найдете, – поднялся со стула санитар.

Гарик вернулся в диспансер, в процедурном кабинете взял длинное вафельное полотенце и направился к машине. По дороге его перехватила Кравчук.

– Фифу видел?

– Кого?

– Врачиху новую. Второй день на работе – уже порядки свои наводит. Курить персоналу у входа в диспансер запретила. Дурной пример больным подаем. Теперь по телефону в рабочее время вести можно только служебные разговоры. А куда вы едете?

– Социально опасных проведать.

– Она сама напросилась. Сегодня на планерке Лариса предписание прокурора зачитала, и разгон участковым сестрам устроила за то, что врачи социально опасных больных месяцами не видят. А эта фифа сама и напросилась. Она познакомиться с больными возжелала.

– У меня зачет по хирургии, когда я готовиться буду. Там в списке только по первому участку 48 человек.

– А всего – двести. Из них 162, отсидевшие за убийство и изнасилования, – продолжила Кравчук. – До конца жизни будешь ездить.

– Ладно, я пошел, а то сейчас искать начнут.

Когда Гарик подошел к медицинскому РАФику, Анфиса Викторовна уже сидела рядом с водителем.

– И где вы прохлаждались? – недовольно спросила она.

– В диспансер ходил за инструментом.

– Зачем вам полотенце на поясе?

– Руки вытирать после рукопожатий с больными.

– Гарик, хочу вас предупредить, я противник любого насилия в отношении больных. Любого больного можно уговорить посетить диспансер. Подчеркиваю, любого.

– Вы где специализацию по психиатрии проходили после окончания мединститута? – перебил врача санитар.

– В Краснолиманске.

– Я понял, что не в Ялте. В каком отделении?

– В отделении невротиков. Еще вопросы есть?

– Есть. Вы замужем?

– Для Вас это имеет значение?

– Конечно, с незамужней женщиной можно поговорить о жизни и склонить к созданию образцовой советской семьи.

– Со мной вы будете говорить только о работе! – повысила голос Алиса. – Теперь, слушайте инструктаж. Сейчас мы едем к Луговому Петру Ефимовичу. Я войду к нему в квартиру первой, а вы постойте за дверью. Я буду говорить с ним одна.

Водитель завел мотор, и медицинский автомобиль стал набирать скорость.

– У меня нескромный вопрос созрел, Алиса Викторовна, а о чем вы будите говорить с Луговым? Дело в том, что Петя Петушок отсидел за убийство и изнасилование восьми женщин. Двадцать лет назад его «опустили» в Симферопольском СИЗО.

– Я знаю об этом. Его три месяца назад выписали из отделения для психохроников. А недавно соседи написали жалобу в горздрав.

– Получается, вы в курсе всего. А вы не боитесь пополнить список любимых женщин Лугового? Такая красивая, и туда же.

– Я доложу Ларисе Ивановне, что вы меня оскорбляли в присутствии водителя.

– Если вы это считаете оскорблением, тогда извините, погорячился, – улыбнулся Гарик. – У меня от одного вашего вида слова изо рта не те выскакивают. Такая красивая, и рядом со мной.

– Я старше тебя на шесть лет. Я врач, а ты всего лишь санитар, поэтому думай перед тем, как открыть рот в моем присутствии! – неожиданно взорвалась Алиса Викторовна. – Вот, когда ты окончишь институт, получишь диплом врача, пройдешь специализацию, вот тогда мы будем говорить с тобой на равных. А пока ты никто и зовут тебя никак! И на таких женщин, как я, можешь даже не смотреть.

– Не надо так нервничать, доктор, – пошел на попятную Гарик. – Я просто хотел предупредить вас, что Лугового очень сильно возбуждают женщины модельного типа. А на блондинку к ужину он может среагировать весьма неадекватно.

– Обойдусь без твоих предупреждений!

Водитель затормозил у старинного двухэтажного дома. Алиса Викторовна, схватив карточку больного и молоточек невропатолога, первой выскочила из машины.

– Зверь-баба! – покачал головой водитель. – Ты лучше не заводись с ней. Житья не даст, но красивая, спасу нет. Повезло кому-то, ее по шерсти надо гладить и никогда не спорить.

– Ладно, я пошел, знаток хренов, – открыл дверь автомашины Гарик. – Машину загони во двор. Клиента тащить далеко придется.

– Ты что, забирать его будешь?

– А что с ним делать. Он соседку преследует. Полюбить хочет, красивую.

Первой в квартиру к убийце вошла Алиса Викторовна. Большая светлая комната была завалена всяким хламом. Сам хозяин возлежал на кровати в атласном женском халате. Увидев врача, он спустил ноги вниз и неожиданно заговорил стихами.

– Женщина, ваше величество, о, неужели ко мне.

О, ваш приход, как пожарище, душно и трудно дышать.

Так проходите, пожалуйста, что на пороге стоять.

– Я ваш новый доктор. Пришла познакомиться, лекарство выписать, – тихо произнесла Алиса. – На что жалуетесь?

– Лекарство, это хорошо, а новый доктор лучше. Вы ближе подойдите, а то я слышу плохо, – прошептал Луговой.

Алиса остановилась в метре от больного. Она была уверена, что своим видом очаровала убийцу. В этот момент открылась дверь, и на пороге появился санитар. Реакция больного была моментальной. Он выхватил из груды тряпок топор и поднял его над головой. Еще секунда, и страшное оружие могло обрушиться на доктора. Времени на размышления у Гарика не было, путь к больному преграждала врач, и тогда санитар в два прыжка подскочил к доктору, схватил ее левой рукой за волосы и со всей силы швырнул женщину под стол. Алиса Викторовна ничего подобного не ожидала от санитаря, и больно ударившись носом о ножку стола, заплакала.

Больной тут же попытался ударить топором санитаря, но промахнулся. Гарик, не теряя времени даром, пальцами правой руки со всей силы ткнул Луговому в глаза, после чего, набросив ему на шею полотенце, стал душить больного. Двухметровый детина рухнул на пол вместе с санитаром. Луговой отбивался до тех пор, пока у него изо рта не пошла кровавая пена и начались судороги. Санитар на минуту ослабил удавку, Луговой с шумом всосал внутрь спертый воздух и широко открыл глаза. Прямо перед ним в двадцати сантиметрах в окровавленном нейлоновом халате лежала красавица врач, которую он хотел приласкать топором. Кровь вытекала из ее разбитого носа тонкой струей. Женщина плакала и с ужасом смотрела на перекошенное злобой лицо убийцы.

– Доктор, сеанс метания топоров закончен, вы можете встать и привести себя в порядок, – улыбаясь, проговорил санитар.

Женщина с большим трудом выбралась из-под стола. Ее белоснежный халат был залит кровью, по лицу текли слезы и кровь.

– Вы платочком зажмите свой прекрасный носик, а то мы тут утонем в вашей крови, – продолжал давать советы из-под стола Гарик.

С большим трудом санитару удалось вытащить на середину комнаты брыкающегося больного.

– Вам помочь? – тихо спросила Алиса. – Может, водителя позвать?

– У нас водитель из интеллигентов, белая кость. Его дело баранку крутить. Он сюда не пойдет.

– Почему?

– Потому что у каждого своя работа. Вы мужика возбудили, я – успокоил, а Костя сейчас во сне гуляет по Стамбулу. Идите в машину и не плачьте. А мы с вашим несостоявшимся любовником еще пообнимаемся в прихожей, – пробормотал санитар, в очередной раз затягивая удавку.

До машины санитар тащил больного минут двадцать.

– Сто килограммов весит, не меньше, – сообщил он шоферу. – Другой бы уже успокоился, а этот гад так и норовит в морду заехать своей тупой башкой. Доктора изувечил.

В приемном покое больному сделали уколы, выкупали его и переодели в больничную пижаму, после чего отвели в изолятор.

Минут через сорок санитар спустился в диспансер, вошел в кабинет врача-психиатра. К тому времени Алиса Викторовна сменила халат, умылась, приняла валерьянку, подкрасила губки и успокоилась. Увидев Гарика, она стала благодарить его за то, что он спас ей жизнь. Санитар долго смотрел на шикарную блондинку, потом подошел к ней вплотную, обнял за плечи, и поцеловал так как это делают герои-любовники в американском кино. Первую минуту женщина пыталась вырваться из его цепких рук, а потом сама обняла его и прижалась к Гарику, ответив на поцелуй.

– Теперь ты поняла, кто в доме хозяин, – прошептал в самое ухо врачу санитар.

Гарик чувствовал себя победителем, но задерживаться в кабинете не стал. Он вышел, не попрощавшись, так же быстро, как и вошел в ее кабинет. Алиса ошеломленно смотрела ему вслед. Только сейчас она поняла, что произошло. Ее била дрожь. Она не могла успокоиться. Восемнадцатилетний мальчишка оказался не только сильнее ее. Своим поцелуем он неожиданно пробудил в ней уже давно забытые чувства, от которых кружилась голова в далекой юности. В школе был у нее мальчик, такой же, как Гарик, черный и кучерявый. Звали его Слава. Он сочинял стихи про Алису, играл в футбол и учился на тройки. Алиса его любила. Но их любовь была обречена. Родители Алисы, узнав, что ее ухажер провалил экзамены в институт, тут же поставили на нем крест.

– Неучам в нашей семье нет места, – говорил ей отец. – Зять мой должен, как минимум, защитить кандидатскую.

Отец у Алисы был заслуженный врач республики, поэтому она и поступила в медицинский институт. Как говорят, пошла по стопам.

Муж Алисы Владимир Ковалев, тридцатилетний инженер, появился у ворот больницы за полчаса до окончания рабочего дня. На нем был строгий черный костюм, галстук и югославские очки. Он ходил вокруг диспансера и нервно курил, но зайти внутрь так и не рискнул. А еще он внимательно присматривался к каждому выходящему из ворот мужчине.

Наконец, появилась Алиса, уставшая и нервная. Подойдя к мужу, она улыбнулась и взяла его за руку.

– Ты чего так рано? – спросила Алиса. – И что это за сигареты, мы же договаривались, что ты бросаешь курить.

– Я все знаю, мне позвонили, – быстро заговорил Ковалев. – Увольняйся немедленно. Эта работа не для тебя, я умоляю. Женщины не могут работать с сумасшедшими. Эта работа для мужиков.

– В этой больнице из ста сотрудников – один мужчина, – устало отмахнулась Алиса.

– И этот мужчина – санитар. Студент, пацан! – закричал Владимир.

– Ему восемнадцать лет, а что случилось?

– Ничего не случилось. Ты поехала с этим мальчиком осматривать убийцу, он на тебя напал, и этот мальчик тебе спас жизнь, – задыхаясь, продолжил инженер.

– Дальше, – помрачнев, приказала Алиса. Она хорошо знала мужа и чувствовала, что его взволновал не сам факт нападения на нее больного, а что-то другое.

– А дальше, дальше ты целовалась с ним. И это произошло на второй день твоей работы в больнице. Ты только второй день на работе и уже позволила себе целоваться с каким-то санитаром, – истерично закричал Владимир.

– Кто тебе об этом сказал? – пристально посмотрела на мужа Алиса.

– Женщина. Она позвонила мне на работу и рассказала, что на тебя с топором напал убийца-насилльник, а потом ты целовалась с санитаром. Я убью его! – нервно закричал Владимир.

– Кого? Убийцу?

– Нет. Санитара!

– Не по Сеньке шапка. Он вооруженного топором двухметрового громилу скрутил голыми руками, а тут ты, интеллигент в пятом поколении, профессорский сынок, – осадил мужа Алиса. – Ты думай, о чем говоришь. Что меня может связывать с санитаром? Мой папа за тебя голосовал, потому что ты из хорошей интеллигентной семьи, сын профессора, кандидат наук. И ты думаешь, что я брошу тебя ради какого-то санитаря, который по пять раз зачеты по хирургии пересдает. «Острый живот» в училище сдать не может.

– Ты тоже «острый живот» на шестой раз сдала, – напомнил Владимир.

– Я уже забыла, а ты помнишь. Да, я шесть раз пересдавала этот зачет, зато теперь симптомы «острого живота» от зубов отлетают. Ночью разбуди, перечислю все до единого.

– А последний раз тебя срезали за то, что ты хотела до осмотра хирурга наркотик вколоть больному, чтоб не мучился, – успокаиваясь, напомнил Владимир.

– Его тоже на обезболивающем подловили сегодня.

– Кого подловили?

– Гарика, – вдруг вспомнила Алиса.

– Ты опять думаешь о санитаре?

– А о ком думать, если этот Гарик мне сегодня жизнь спас, а ты все время о нем говоришь. Мы же с тобой договаривались, что ты меня не будешь больше ревновать. Или уже забыл, что у тебя красавица жена, мимо которой ни один мужик спокойно пройти не может. Если ты хотел спокойной жизни, то выбирать нужно было какую-нибудь заучку из политеха. А ты выбрал победительницу конкурса красоты мединститута, 90—60—90. А теперь, все. Шутки закон-

чили. Еще раз заговоришь о своей ревности – выгоню на мороз. Если я захочу уйти от тебя, то об этом первым узнаешь ты.

Погром в хирургии

На часах было 14—30, когда Лариса Ивановна вызвала на беседу Алису.

– Я о вчерашнем ЧП хочу поговорить с вами. У вас желание не пропало по особо опасным больным ездить? У меня в три часа машина будет. Или мне другого доктора назначить?

– Зачем. Это больные с моего участка.

– Значит, поедете сегодня с Гариком по адресам.

– Мне уже пять раз из хирургии звонили. У них там алкогольный психоз, – сообщила Алиса Викторовна.

– У всех хирургов сразу? – рассмеялась Лариса Ивановна.

– Там больной палату разгромил полностью, стекла побил, капельницу.

– Алиса, у меня эти иждивенцы уже вот где сидят, – провела по горлу Лариса Ивановна. – Там шесть здоровых мужиков-хирургов. У них такие же дипломы, как у меня. И эти мужики больного не могут зафиксировать и доставить к нам по «скорой»? А у меня одни бабы. Кого я туда пошлю? Может быть, вас?

– Я поеду.

– И что вы будете с ним делать? Стекла выбьете из рук, свяжете его? Это работа для санитара. Врачам там делать нечего. Но санитар у нас работает на полставки и на работу приходит после занятий в училище не раньше трех. Вот в этом-то и главная проблема. А теперь, о вчерашнем ЧП. Если я сказала построже быть с санитаром, это не значит, что вы должны лезть к больному сломя голову. А если б Гарик не успел, замешкался, испугался... У больного в руках топор был, а не детская игрушка.

– Я хотела показать ему, кто тут врач и кто санитар.

– И что, установили дистанцию?

– Нет.

– Ну, тогда скажите мне, Алиса, хоть как он целуется? Вам понравилось?

– Я не буду обсуждать с вами эту тему.

– Обсуждать мы эту тему с вами не будем, но я вас должна предупредить, свои личные проблемы решайте за пределами больницы. Мне еще скандалов с вашим мужем тут не хватало. Мне доложили, что он грозил побить санитару, – повысила голос главврач.

– У меня муж ревнивый, не обращайтесь внимания.

– При ревнивом муже нельзя целоваться с кем попало.

– Я не целовалась. Он сам. Он мне этим поцелуем хотел показать, кто в доме хозяин.

– И что, показал?

– Нет. Я его поставлю на место. Вот увидите.

– Только мужа не втягивайте в эти разборки. Гарик сильнее его. Он настоящий мужик, хоть и молодой, а муж ваш типичный ботаник, – усмехнулась главврач. – И еще один совет, на настоящих мужчин, способных на все, женщины начинают засматриваться в сорок лет. Вам – двадцать четыре. В вашем случае роль мамочки при инфантильном муже-ботанике более привлекательна, чем роль ненасытной дамы, умирающей от страсти в руках испанского мачо.

– Ваш Гарик меня еще не знает. Я заставлю его подчиняться, – повысила голос Алиса.

– Похвально стремление, только палку не перегните во время общения с кучерявым. Он всегда добивается поставленной цели.

– У меня есть еще один вопрос, – решила сменить тему разговора Алиса. – Вы разрешаете использовать при задержании больных полотенце и удушающие захваты. Профессора на кафедре говорили, что это запрещенные приемы.

– Никто ничего не разрешает, но в уголовном кодексе есть статья о крайней необходимости. Если больной представляет реальную опасность для окружающих, то против него могут применять различные приемы рукопашного боя, в том числе и удушающие захваты. Если б Гарик не придушил Петю Петушка, то мы бы сегодня собирали деньги на ваши похороны. В той ситуации он мог и убить больного, и его б оправдали. Вооруженное нападение на врача. После такого больные долго не живут.

– Вы хотите сказать, что Лугового могут убить в больнице?

– Я сказала то, что хотела сказать! – повысила голос главврач.

В этот момент бесшумно открылась дверь, и на пороге появился Гарик.

– А тебя стучать не учили, герой-любовник? – недовольно спросила Лариса Ивановна.

– В регистратуре сказали, что у вас совещание без меня не могут начать. Вот я и без стука, как опоздавший, – расплылся в улыбке санитар. – Но если я не вовремя, могу и уйти. Я не гордый.

– Садись, рыцарь без страха и упрека. Поговорить хотим с тобой. Ты зачем на доктора напал в кабинете. Она замужня женщина, врач, а ты к ней с поцелуями.

– Лариса Ивановна, клевета, не было такого, чтобы я по своей воле прикоснулся своими руками к Алисе Викторовне. Да она и не в моем вкусе. Мне нравятся толстые, маленькие и с кривыми ногами, пятидесятилетние бабки, такие, как наш регистратор.

– Цирк уехал, клоун остался. Я с тобой о серьезных вещах говорю. В Америке тебя бы в тюрьму уже посадили за физическое оскорбление женщины.

– Так мы ж не в Америке, – расплылся в улыбке Гарик. – А женщины любят сильных и наглых.

– Кто тебе такую чушь сказал. Женщины умных любят, опрятных и красивых. Ты почему халат не сменил? Ходишь, как подстреленный воробей. Халат должен прикрывать колени.

– Нет у меня другого. Что вы с этим халатом пристаёте? Они мне врачебные с пуговицами дают. Я однажды надел такой. И что, на первом же вызове четыре пуговицы с мясом. А пуговицы эти большой дефицит.

В этот момент зазвонил телефон.

– Это из хирургии звонят. Мы не знаем, что с вашим больным делать. Он в палате переломал все что мог.

– Успокойтесь. Вышлю сейчас врача к вам. Шесть мужиков с одним алкоголиком справиться не могут, – главврач, положив телефонную трубку, повернулась к Алисе. – Посетите вначале хирургию, а потом по списку. И пристыдите вы их, шесть мужиков в палату зайти боятся. И героя-любовника не забудьте. Гарик, если еще раз ты хоть пальцем прикоснешься к доктору...

– Да, понял я уже все, понял. Я пошутил, а вы тут целую историю раздули.

Врач и санитар вышли в коридор.

– Алиса, это судьба! – в самое ухо зашептал Гарик. – Просто всю жизнь мечтал больных из хирургии забирать. Кто бы знал, как я люблю хирургию.

– Хватит ерничать, и если еще раз назовешь меня по имени, пожалеешь, – повысила голос Алиса Викторовна.

– Все, понял. Я теперь буду вас называть правильно и торжественно: «Алиса из страны чудес».

– Только попробуй. Я тебе такие чудеса устрою. А где твоё полотенце?

– Отдыхает от трудов праведных. У мужика с черепушкой непонятки. Травматикам «сухой бром» противопоказан.

– И как же ты его забирать будешь? – подозрительно посмотрела на Гарика врач.

– А я не один, я с доктором. Как доктор скажет, так и сделаю.

– Я бы тебе сказала, кучерявый, но воспитание не позволяет, – поддела санитару Алиса. – Колпачок где от пустой головы? Ты в хирургию едешь.

– Во, блин, а вы правы. Фридман увидит меня без колпака – умрет. Поэтому я всегда ношу в кармане медицинскую шапочку, на всякий случай, но не надеваю, чтобы не портить прическу, а сейчас придется.

Доктор Фридман

В хирургии атмосфера была накаленной до предела. Две санитарки стояли под дверями палаты с огнетушителями в руках. Из-за закрытой на ключ двери слышался мат и угрозы.

– Бить человека по лицу огнетушителем запрещает международная конвенция по защите прав ребенка, – сообщил санитаркам Гарик.

– А мы его бить не будем. Мы его пеной остановим, – объяснила одна из санитарок.

– Психушку вызывали? – широко открыв дверь ординаторской, спросил Барский.

Четыре хирурга с разных сторон тут же напали на санитаря.

– Пять часов психовозку ждем! – стал кричать на санитаря хирург Осипов.

– Так у нас машина с трех работает. Могли бы по «скорой» привезти. Делов-то, – огрызнулся Гарик.

– Да что вы с ним говорите, Иван Иванович. Это самый тупой студент нашего училища. Он мне кости черепа шесть раз сдавал, а острый живот за сегодняшнее издевательство вообще не сдаст. Слово даю, – пригрозил Сергей Моисеевич Фридман санитарю. – Пять часов назад я сообщил вашему главврачу о том, что тут происходит. Я докладную в горздрав напишу.

– Давайте с больным разберемся сначала. Меня зовут Алиса Викторовна. Я врач-психиатр. Не могли бы вы рассказать, что тут произошло.

Хирурги, увидев красавицу-врача, тут же успокоились. Они усадили ее за стол, предложили кофе, шоколадные конфеты. Женщину буквально засыпали комплиментами. Гарик стоял в стороне и с улыбкой смотрел на хирургов, увивающихся за Алисой.

– Красота – страшная сила! – громко произнес он. – Может, делом займемся, а то у нас вызовов море. Алису Викторовну убийцы ждут и извращенцы. Она без них жить не может.

– Что ты тут комментируешь, – подлетел к Гарику Фридман. – Ты еще не понял, что с больным теперь и без тебя разберутся. Иди, отдыхай, лентяй. «Острый живот» учи. Я тебя спрошу завтра по всей форме.

– Да не вопрос. Отдохнуть, я всегда, с удовольствием, – буркнул под нос санитар и спустился вниз к машине.

– Я вам расскажу сейчас все об этом больном, – подкатился к Алисе Иван Иванович Осипов. – Это мой больной. Поступил он к нам с закрытой черепно-мозговой травмой. На третий день развился психоз. Появились слуховые галлюцинации. Бред преследования. Я вызвал невропатолога. У нас же к психиатрам без консультации невропатолога звонить нельзя. Они у нас белая кость. Невропатолог свое исключил, говорит, звони главврачу психбольницы. Пять часов назад позвонили первый раз. У нас операционный день сегодня, а мы не можем работать.

– Поговорить с больным сами не пробовали?

– Да как туда войти? Он стеклами вооружился. Невропатолог свое заключение по истории болезни писал.

– У нас в больнице тоже одни женщины работают, я санитару привезла, а вы его выгнали, но я попробую с ним поговорить, – улыбнулась Алиса.

– Погодите, Алиса Викторовна, – вмешался в разговор Фридман. – У нас все хирурги мужчины, а от санитары вашего никакого толку. Он пять раз зачет пересдавал по «острому животу». Что он тут сделает?

– Я все поняла, давайте двери открывать.

– Нет. Мы вас туда не пустим одну. Вы что думаете, если мы хирурги, то мы не мужчины? – приосанился Фридман. – Говорите, что делать.

– Если действовать по инструкции, то к такому больному подходить надо с четырех сторон, держа в вытянутых руках одеяла. Потом ему набрасывают на голову одеяло, кладут на кровать и делают уколы. Я назначила аминазин, четыре кубика внутримышечно.

– С четырех сторон не получится. Протиснуться в дверь с одеялами смогут только двое, но мы попробуем, – пообещал Фридман.

Первым в палату, прикрываясь одеялом, влетел Фридман. Вторым вошел Осипов, и замыкала делегацию Алиса Викторовна. В руках она держала блестящий молоточек для проверки рефлексов. Больной с двумя кусками стекла в руках стоял в дальнем углу, и когда к нему приблизился Фридман, несколько раз ударил стеклом в одеяло. Фридман закричал, бросил одеяло и выскочил из палаты, поливая кровью коридор. Оказалось, что больной перерезал ему вены предплечья. Вторым резаные раны рук получил Осипов. Алиса поле боя покинула последней. Ее попытка заговорить с больным чуть не стоила ей жизни. Больной с криком бросился за врачом, но был остановлен мощной струей из огнетушителя. Под огнетушитель попала и Алиса, но в отличие от больного пеной ей залили только грудь и шею.

Пока участники кровавой битвы приходили в себя, смывая пену и делая перевязки, о ЧП в хирургии сообщили в горздрав, а оттуда позвонили главврачу психбольницы.

– Алиса Викторовна, что у вас там происходит? – позвонив по телефону в ординаторскую, спросила Лариса Ивановна.

– Больного пытались нейтрализовать.

– Мне звонили из горздрава, сказали, что два доктора ранены.

– Больной порезал стеклом Осипова и Фридмана, – доложила Алиса Викторовна.

– А где наш санитар?

– Ушел. Его Фридман выгнал из ординаторской. Доктор Фридман ему хирургию преподает.

– С твоим Фридманом мне все ясно. Но я за больным послала санитаров психбольницы, объясни мне, что там хирурги делали? – закричала Лариса Ивановна.

– Инициативу проявили. Мне помочь хотели, – смутилась Алиса.

– Найди мне Гарика, я ему сейчас устрою.

– Его нет в отделение. Он ушел.

Минут через пять главврач больницы смогла дозвониться по рации до водителя машины.

– Где этот негодяй? – закричала Лариса Ивановна.

– На носилках лежит. Хирурги зубрит.

– Передай ему трубку немедленно.

Гарик не спеша перебрался в кабину водителя.

– Ты почему Алису Викторовну бросил в больнице?

– Меня Фридман прогнал. Они там кобеляж перед Алисой устроили, а меня на мороз. Мол, сами с усами. Я и ушел, – обиженным голосом, произнес Гарик.

– Я тебе устрою «кобеляж». Из-за тебя два ведущих хирурга получили тяжелые травмы. Кто теперь больных оперировать будет? Бегом наверх, заведи этого больного, и на глаза сегодня мне лучше не попадайся! Вопросы есть?

– Нет.

Гарик лениво потянулся и стал вылезать из машины.

– Как ты его возьмешь без полотенца? – спросил водитель.

– Голубоглазый, а ты женщин через полотенце мацаешь, или напрямую?

– Напрямую. Сравнил тоже, – удивился шофер.

– Вот и я на свидание с любимой женщиной решил идти с открытым забралом и голыми руками. У тебя чистый белый листок бумаги найдется?

– Нет. Газета есть, «Правда».

– Костя, твоя «Правда» для сортира хороша, а я картину хочу написать абстрактную в духе соцреализма.

– Тоже мне художник нашелся. Иди за психом, а то сейчас сюда Лариса прилетит. Тогда тут всем мало не покажется.

– Никакого в тебе, голубоглазый, романтизму нету. Сплошные угрозы и мат, а я, может, фотомодель охмурить хочу, – мечтательно произнес Гарик. – А теперь слушай мою команду. Машину подгони к входной двери. Дверь в дверь без зазора. Двигатель включи и жди явление Христа народу.

– Погоди, а посетители в больницу, как пройдут, персонал.

– Не хрен им там лазить. Всех гони в шею. Спецоперация идет, понял? И чтоб в коридоре никого не было. Подвернется под руку кто-нибудь, убью!

Гарик не спеша поднялся на третий этаж, зашел в ординаторскую. За столом сидела Алиса и два хирурга с перевязанными руками.

– Господа-товарищи! Одолжите мне белый лист бумаги.

– Завещание писать собрался? – спросил Фридман, протягивая вырванный из тетрадки листок бумаги.

– Как же без завещания. Я, Фридман Сергей Моисеевич, находясь в полном здравии и при полной памяти, – продолжил Гарик.

– Ты у меня сейчас получишь, – поднялся из-за стола Фридман.

– Правильное решение, Сергей Моисеевич. Разгоните людей из коридора и этих монстров с огнетушителями уберите от дверей, а то они и меня пеной, как Алису Викторовну. А я не люблю пену, я нормальный.

– Гарик, ты что собрался делать? – поднялась из-за стола Алиса Викторовна.

– Ничего страшного. Вы не волнуйтесь. У вас хорошая мужская компания, пейте чай с шоколадными конфетами. Это ж такой дефицит. И где их хирурги покупают? А я уж сам как-нибудь. Только людей из коридора и с лестницы уберите, чтоб работы вам не прибавить. Всех, до единого.

Фридман выскочил в коридор, загнал больных в палаты, наорал на персонал и отправил в сестринскую санитарок с огнетушителями.

Гарик не спеша снял халат, положил его рядом с Алисой.

– Как этого психа зовут?

– Вадим, – быстро ответила Алиса. – Вадим Соловьев.

– У меня к вам большая просьба, Алиса Викторовна, поухраняйте сей предмет медицинской гордости, а то у нас без халата нынче нельзя. Не дай бог шапочка пропадет, со свету изживут злые монстры.

Сказав эти слова, Гарик подошел к двери палаты, тихонько повернув ключ, заорал диким голосом: «Я твой спаситель! Ты меня звал, и я здесь! Смотри! Смотри сюда!».

Гарик, размахивая листом бумаги, в два прыжка преодолел расстояние, которое отделяло его от больного.

– Вадим! Смотри сюда! Дом видишь!?! – ткнул пальцем в бумагу Гарик.

– Вижу, – пробормотал мужчина, поднимая вверх окровавленные руки с осколками стекла.

– А дым из трубы видишь?!

– Вижу.

– А за трубой кто стоит?

– Мужик прячется.

– Соловей, бежим! Это убийца! Быстрее! Не оглядывайся. У двери машина стоит! Не бойся! Нас пасут! Быстрее! Не останавливайся! Бежать! Вперед!

Алиса, хирурги и медсестры с ужасом смотрели на бегущих по коридору Гарика и вооруженного стеклами больного с окровавленными руками. На лестнице они сбили с ног какого-то старика-посетителя и сестру-хозяйку из травматологии.

– Не останавливаться! – орал Гарик. – Дорогу! Все ушли. По норам! Убью!

Добравшись до первого этажа, санитар затащил больного в машину. Хлопнул дверцей, и водитель, включив сирену, понесся в сторону психбольницы. В приемном покое санитар бросил больного на кушетку, отобрал у него стекла и с помощью санитарок стащил с него всю одежду. Тут же больному сделали успокаивающие уколы, обработали раны и отнесли в надзорную палату.

За всем этим со стороны наблюдала Лариса Ивановна. Когда Гарик спустился в приемный покой, она подошла к санитару и бросила сердито: «Зайди ко мне!».

– Это как понимать! – стала кричать главврач на санитару. – Я тебя послала за больным, а ты в хирургии кобеляж устроил.

– Я устроил, да эти кобели хирурги меня сразу и выгнали из ординаторской, как Алису увидели. Претензии к Фридману. Он Алисе кофий наливал с шоколадными конфетами. Могли б и меня, передовика производства, чашкой кофе осчастливить.

– Кофе хочешь?

– Чем я хуже Алисы.

Лариса Ивановна включила электрочайник.

– Как ты его из палаты вытащил? – успокаиваясь, спросила она.

– У него зрительные галлюцинации. Я ему на бумаге показал дом и мужика, который прячется за трубой, после чего мы побежали. Классика жанра и никакого гипноза.

– За находчивость, благодарность, а за издевательство над хирургами – смертный приговор.

– Я тут при чем. Они Алису увидели, и стали суперменов из себя корчить. Ну и нарвались толстопузые.

– Фридман-то нормальный мужик. Это у Осипова пивной животик, – возразила Лариса Ивановна, разливая по чашкам кофе.

– Ага, нормальный, он меня черепом сначала убивал, а теперь «острым животом». Жаль, что этот псих ему по морде не съездил стеклом за мои страдания.

– Зато ты на черепе каждый бугорок по латыни назвать можешь. А у Фридмана серьезная рана на предплечье и Осипов работать не сможет неделю. До тебя хоть доходит, что мы хирургию без хирургов оставили.

– Сами виноваты, нечего было на чужую бабу пялиться.

– Скажи, мне Гарик, а что ты от Алисы Викторовны хочешь. Она замужняя женщина, врач.

– Ничего я от нее не хочу. Не люблю, когда мною бабы командуют, вот и опустил я ее два раза.

– Я тоже женщина и тобой команду.

– Алиса ж молодая.

– А я, значит, старая, и мне можно тобой командовать, – обиделась Лариса Ивановна.

– Я не говорил, что старая. Опытная.

– Получается, что ты меня как женщину не воспринимаешь. И целоваться ко мне по этой причине не лезешь. А я, в отличие от Алисы Викторовны, в третий раз не замужем. Может, попробуешь?

– Что мне пробовать. Вы не женщина. Вы главврач. Вам положено орать на всех, а Алиса тут кто. Ничего не знает, а туда же.

– Я почему этот разговор с тобой завела. У Алисы Викторовны муж ревнивый, и я бы не хотела скандалов на этой почве.

– А вы его в дурку положите. У нас тут каждый второй с бредом ревности лежит.

– Я так поняла, что ты будешь и дальше преследовать Алису Викторовну. Так вот, я открою тебе одну тайну. Женщине в двадцать четыре года восемнадцатилетний пацан просто не интересен, как мужчина. Тебе надо сверстницу найти или женщину постарше. Им нравятся физически крепкие мальчики.

– Я учту ваши пожелания. Но на старушек меня пока не тянет. Может, лет через десять я и положу на кого-нибудь глаз, но не сейчас. И дальше, что делать?

– К королеве Марго вези Алису. Пусть посмотрит, к чему может привести любовь к мальчикам.

Королева Марго

Костя сидел в машине и доедал караимский пирожок.

– Ну, что, вставила тебе Лариса? – спросил водитель.

– Обещала медалью наградить за спасение Фридмана на пожаре.

– Фридман за сегодняшнее представление вообще зачет тебе не поставит.

– Поставит. Мне этот «острый живот» уже во сне снится вместе с Фридманом.

– Едем куда?

– Сначала за Алисой. Она нас у входа в больницу ждет, а потом к королеве Марго.

– А Марго тут при чем?

– Социально опасная. У нее судимость за развращение малолеток.

– Тоже мне, социально опасную нашли: баба, как баба, – возмутился водитель.

– погоди, а чего ты тогда машину остановил, когда она ко мне приставать начала?

– Если б она ко мне приставала, я бы не останавливал, а ты молод еще для таких баб. Подрости сначала. Что ты ей дать можешь?

– Скажи мне, женатик со стажем, а чем отличается баба в двадцать четыре года от той, которой сорок пять? – спросил Гарик.

– Ты про Матросова читал?

– Конечно. Герой войны, амбразуру фашистского дота грудью закрыл.

– Так и баба в сорок пять. Она на мужика, как в последний раз на амбразуру ложится. И ей мужик нужен сильный и здоровый, который может с такой бабой всю ночь. А в двадцать четыре – и ботаник одноразовый сойдет. У нее еще потребность в мужике не созрела.

– А я думал, чем старше баба, тем ей меньше хочется.

– Мыслитель. Матчасть изучать надо не по книгам, а на практике. А вот и Алиса твоя стоит на остановке, забирай.

– Почему моя?

– А то не видно, что она на тебя глаз положила. Ты ж на ее глазах мужика с топором голыми руками завалил, а у нее муж ботаник-подкаблучник. Вот поверь моему слову, она бросит его.

Алиса села рядом с водителем. Передала Гарику его халат и сообщила:

– Лариса Ивановна сказала, чтобы мы посетили королеву Марго. Но у меня нет ее карточки.

– Карточка не нужна. Она сама все расскажет, – махнул рукой Гарик. – Не слышу восторгов.

– Два дурака неслись по лестнице, старика чуть не убили. Его еле откачали, – нахмурилась Алиса.

– Опять я виноват. Я же Фридману сказал, чтоб дорогу освободил, – возмутился Гарик.

– Так никому и в голову прийти не могло, что ты там устроишь? Я думала, что ты стекла отберешь у больного и свяжешь его.

– Бритвы и стекла я из рук больных не выбиваю. Не мой профиль.

– Почему?

– Личико могут порезать. Я видел в Симферополе санитаров, которые на бритву шли. Все лицо в шрамах. Женщины целовать не будут.

– Мне кажется, ты не прав. Мужчину шрамы украшают.

– Алиса, тогда с тебя поцелуй. У меня рубаха в крови.

– Больной тебя порезал в машине? – с тревогой спросила Алиса.

– Нет. На мне кровь моего врага, кровь Фридмана.

– На мне тоже. Ему же вену больной перерезал. И напрасно ты на него буром идешь. Фридман нормальный мужик, классный хирург, а зато, что он из тебя душу выматывает за «острый живот» и внутренние кровотечения, – потом благодарить будешь. Пропустил «острый живот» – похороны. Ты же не хочешь людей убивать?

– Не хочу.

– Тогда зубри симптомы «острого живота».

– Что делается. Любимую женщину Фридман за полчаса перевербовал чашкой кофе и шоколадными конфетами «Белочка». Он теперь хороший, а я тупой студент. Костя, пойду утоплюсь. Ты был прав. Не любит она меня, а тут еще и Лариса выговором грозит за всенародный подвиг.

– А ты как думал. Женщинам умные мужчины нравятся. Кулаками махать – много ума не надо, – улыбнулась Алиса.

– Приехали, – прервал разговор Костя. – Марго на третьем этаже живет.

Гарик помог выбраться из машины доктору, а когда они вошли в подъезд, Алиса вдруг прильнула к нему и шепнула: «Ты молодец. Я удивлена. Хирурги были в шоке. Только не надо в присутствии посторонних ко мне приставать. Я не хочу, чтоб о твоих шутках докладывали моему мужу».

– Не вопрос, – проговорил Гарик, коснувшись ее губ. – Больше не буду тебя подкалывать.

Марго в коротеньком халатике колдовала на кухне. На вид ей было далеко за сорок. Толстые стройные ноги, узкая талия и огромные груди выдавали в ней топ-модель тридцатилетней давности. Она оценивающе посмотрела на санитаря.

– Не жалеешь?

– О чем? – напрягся Гарик, внимательно наблюдая за руками больной.

– Чего испугался? Насиловать не буду, – расплылась в улыбке женщина. – В машине хотела вас двух дураков приласкать, а они вместо того, чтобы получить удовольствие, связали меня как террористку. Я когда санитарам в приемном покое рассказала, как вы от меня защищались, мужики ржали. А теперь за руками следит. Бойтся, чтоб я его сковородкой горячеей не огрела по башке. Свидетельницу привел.

– Я не свидетельница, я участковый врач-психиатр. Вы будете у меня наблюдаться.

– Хочешь меня вылечить от любви, – громко расхохоталась Марго. – Ты на себя посмотри. Поди, тоже с модельного бизнеса начинала, врач-психиатр! Какой из тебя психиатр с такой фигурой. Мужики-психи будут кидаться на тебя как на бабу, а больные бабы возненавидят красотку за красоту, потому что санитары и фельдшера теперь не на них, а на тебя будут пялиться. Вон, смотри, как у кучерявого глазки горят, когда на тебя смотрит. Заходи в комнату, спрашивай. Я правду говорю, потому что у меня справка есть, а все остальные врут тебе в глаза. И Ларису бойся, себе на уме баба. Она тоже красивых баб ненавидит. Меня в дурку упрятала за красоту и страсть.

Алиса с Гариком вошли в комнату вслед за Марго. В комнате был идеальный порядок. Ни соринки.

– Одна живу, – пояснила женщина. – Так что тебя интересует?

– Как вы попали на учет? Что с вами случилось?

– Я в Москве жила. Учительницей в школе работала. Муж был никакой. Деньги приносил домой, спали вместе, вначале меня все устраивало, а потом почувствовала тягу к пацанам шестнадцатилетним. Урок преподавать захотелось. Стать первой учительницей в этом деле. Для себя выучить. Но в Москве я подобные желания отметала, а когда поехала на курорт, решила попробовать то, что ночами во сне видела. На пляже выбрала 16-летнего пацаненка-южанина. Домой привела. Вином угостила. Потом оказался он в моей постели. Сам приставать стал. Я ж учительница, знаю, как свои желания в желания учеников превратить. На первых порах от этой любви одна головная боль оставалась, после него приходилось снимать стресс с местными музыкантами. А потом смотрю, и у моего ученика что-то получаться стало. А на 21—й

день у нас такая любовь случилась, что я сама чуть с ума не сошла, а уж про пацана и говорить не буду. У него до конца жизни такой любви не будет. Вот с этого все и началось. Я поняла, что мне от этих мальчиков надо, и учила их тому, чего больше всего сама хотела.

– А на учет как попали?

– Пока на курортах гуляла, все было тип-топ. А однажды москвича привела к себе 16-летнего. Короче, узнала его мамаша, к кому он в гости ходит. Пацана в милицию на учет, а меня в дурдом на лечение.

– Судимость за что?

– Тогда и осудили за этого пацана к принудилровке. В СССР же секса не было никогда. Натихаря, что угодно, но стоило засветиться где-нибудь, тут же туши свет.

– А сейчас не тянет с мальчиками повторить свой прошлый опыт?

– Это вопрос или предложение?

– Вопрос, – улыбнулась Алиса.

– Если честно, и сейчас хочу с твоим телохранителем переспать. Отдашь в аренду на ночь?

– Гарик же не хочет.

– Боишься. И правильно делаешь. После меня мужики своих баб бросают. Я такие привороты знаю. Объявления на столбах видела: «Потомственная ведьма Марго. Стопроцентный приворот»? Это моя реклама. Но для жизни мне сейчас крепкий, настоящий мужик нужен. Пацаны таким как ты интересны. А в сорок пять настоящий мужик нужен, который способен бабу всю ночь гонять по кровати. Так что с учета снимай из-за смены ориентации. А вот он подходит. Руку так крутанул, до сих пор болит. С виду дохляк, но как вцепится, не оторвешь. То, что мне нужно сегодня. И там у него все в порядке. Я проверяла, когда они мне в машине руки крутили. Мой размер.

– Марго. При молодом человеке такие слова. Он же мальчик не целованный.

– Так я тебе и поверила, не целованный. Честно признайся, положила глаз на кучерявого?

– Марго, у меня муж молодой, зачем мне коллега по работе?!

– Не зарекайся, докторша, не зарекайся. Тебя от этой любви одни беды ждут. А я бы его научила всему. Может, оставишь на одну ночь?

– Нет! Самой пригодится, – улыбнулась Алиса. – Вы скажите спасибо, что я вас дома оставила после таких слов.

Алиса попрощалась с Марго и, подхватив в подъезде под руку Гарика, шепнула ему: «А ты, оказывается, повышенным спросом у старых шизофреничек пользуешься».

- Тут и не такое услышишь, – смутился Гарик. – Врет она все.
- Скажи, а зачем нас Лариса сюда послала? Марго по ошибке на спецучете стоит. Она уже давно ни для кого никакой опасности не представляет. Может, она ревнует тебя ко мне?
- Сказанула. Лариса же старуха.
- Да не такая уж она и старуха. Ей еще и сорока нет, и она уже год без мужа.
- Если бы Лариса хотела чего-то такого, давно бы меня пригласила к себе, а она только орет за каждую мелочь. Хирургам псих руки порезал, а я виноват. Новая докторша пристает ко мне – я виноват.
- Я тебе за такие слова язык вырву. И близко теперь ко мне не подходи.
- Я б и рад, но у нас клиент шибко нервный. Инженером в НИИ работал. Что-то там открыл сверхсекретное, а потом свихнулся. Бабу свою приревновал к милиционеру и убил топором. Потом с этим топором к участковому заявился. Кастрировать хотел, но не смог. Успел только руку отрубить. Все остальное при нем осталось.
- Этого придурка ты выбрал из списка? – напряглась Алиса.
- Нет. Лариса. К нему медсестры не ходят. Боятся, чтобы он и им чего-нибудь не отрубил.
- Тебе не кажется странным этот подбор больных в один день. Баба-педофилка, муж-убийца ревнивец, – пристально посмотрела на Гарика Алиса.
- Ты к этому списку еще и кобелей из хирургии приплюсуй. Ларисе они кофе ни разу не наливали, а тебя еще и шоколадными конфетами угостили. Чувствуешь разницу?
- Я не думала, что из-за какого-то санитаря у меня будут такие проблемы на работе.
- Это только начало, а дальше Лариса тебя задушит на почве ревности. Она не перенесет два наших поцелуя, – поддел женщину Гарик. Они остановились в подъезде на первом этаже, и Гарик бесцеремонно схватил Алису за плечи, прижал к груди и поцеловал. Алиса не сопротивлялась. Ей было приятно чувствовать на себе сильные руки восемнадцатилетнего парня.
- Мне нравится, как ты целуешься, – отстранившись от Гарика, тихо произнесла женщина. – Только ты ни на что не рассчитывай. Продолжения не будет.
- Будет, – возразил Гарик. Все будет. Я настырный и всегда добиваюсь того, что хочу.
- Ты уже возгордился? Завтра я буду совсем другой.
- До завтра еще дожить надо, а сегодня ты моя. Самая ласковая и любимая.
- Гарик, может, не поедем к инженеру? У меня сегодня впечатлений более чем достаточно.

– Лариса разорется. Она ж нам инженера-убийцу неспроста подсунула. Только не вздумай с ним уединяться. С виду натуральный ботаник, но за поясом я у него уже финку находил, – стал серьезным Гарик.

– Первым пойдешь.

– Какое доверие. Я счастлив! Наконец-то вы признали меня лидером. Двадцать поклонов.

– На тебя посмотришь, вроде взрослый мужик. Рот открыл – фонтан дури. Вот что ты сейчас сказал?

– Пошутил.

– При мне не надо шута Балакирева из себя корчить. Мне нравятся серьезные, умные мужчины.

– А я думал сантехники или санитары. Всё, я в ауте! Тушите свет. Она меня не любит.

– Хватит ерничать, а то твой Костя опять настучит Ларисе, и она мне завтра объяснит, как я должна себя вести с сотрудниками больницы.

Алиса подошла к машине и села рядом с водителем.

– К кому едем теперь? – спросил Костя.

– К инженеру из НИИ на Революцию, – сказал Гарик.

– Нашли куда ехать на ночь глядя. Может, завтра с ним пообщаетесь?

– Лариса сказала в морг, значит, в морг, – буркнул санитар.

– Ну и шутки у тебя дурацкие. Алиса Викторовна, это очень опасный больной, – продолжил водитель. – Лариса к нему ни разу домой не ездила, а вас послала.

– Чего каркаешь, – неожиданно взорвался Гарик. – Еще одно слово скажешь, убью. Алиса Викторовна, за спиной моей стойте в двух метрах, чтоб у меня место для маневра было. Я говорю с ним. Пока не обыщу – не подходи. Ты все поняла?

– Да. Но если еще раз ты мне скажешь «ты» – убью!

– Вот жизнь пошла, что бы ни сделал – высшая мера. Мадам, я буду называть вас «Ваше высочество».

– И сразу получишь молотком в лоб, – повысила голос Алиса.

Инженер Свистунов никого не ждал. Увидев незваных гостей, он сразу помрачнел и напрягся.

– Руки покажи, профессор, – неожиданно заорал Гарик. – Вверх руки, пальцы разжал!

Гарик быстро обыскал больного и мгновенно вытащил из-за пояса немецкий штык со свастикой на лезвии. После чего швырнул больного на пол, заломив руку.

– Кого убить хотел? – заорал Гарик. – Быстро отвечать, пока не убил.

– Тебя, санитар, и бабу мою. Ты зачем у меня жену увел? Такую красивую!

Больной смотрел на Алису и заливался слезами.

– Тут нет вашей жены. Я врач-психиатр. Буду вас лечить.

– Мне не нужен врач. Ты моя жена. Он украл тебя. Изнасиловал, надругался! Мне плохо. Сердце. Отпусти, мне лекарство надо.

– Гарик, отпусти его. Ему плохо с сердцем.

– Его нельзя отпускать. У Свистунова обострение. Он опасен.

– Нет. Отпусти больного. Ему надо выпить лекарство.

– Его грохнуть тут надо, тварюгу, жену и ребенка убил, мента покалечил.

– Отпусти, я сказала! – перешла на крик Алиса. – Нельзя так с больными. Он не виноват. Это болезнь.

Гарик со злостью отшвырнул от себя больного.

– Где твое лекарство!? Быстро.

– Я сейчас, я быстро, – больной подбежал к тумбочке и вытащил оттуда опасную бритву. – А теперь, подходи.

– Гарик, у него бритва!

– Я ж тебе говорил, что это за тварь. Беги отсюда! Беги!

– Я не пойду, я не могу!

– Вон отсюда! У него бритва. Ментам звони. Пусть пристрелят эту суку!

Алиса выскочила из квартиры и побежала к машине. Костя переключил рацию на милицескую волну и вызвал подмогу.

– Боишься! – расплылся в улыбке больной. – Бабу мою украл, а бритву испугался. У меня острая бритва. По шее чиркну, и все! Труп. А потом я тебя кастрирую, чтобы ты больше не мог прикасаться до моей жены. И бабу твою порежу.

Гарик взял в руки стул.

– Ну, подходи, «ботаник»!

– Я не ботаник! Я – мститель! Джеймс Бонд! – с этими словами Свистунов бросился с бритвой на санитара. В последнюю секунду Гарику удалось разнести на голове больного стул. Свистунов рухнул на пол, но бритву не отпустил.

– Брось бритву, урод! Бритву брось!

Барский попытался ударить больного вторым стулом, но на этот раз Свистунову удалось увернуться. Пока Гарик искал что-нибудь подходящее для очередной атаки, больной, издав дикий крик, бросился с бритвой на Гарика. Бритва проскользнула в двух сантиметрах от лица санитара, ему чудом удалось схватить смертоносное оружие левой рукой и вырвать бритву из рук больного. В этот момент в комнату ворвались милиционеры с автоматами в руках.

– Не стрелять! – заорал санитар. – Не стрелять!

Милиционеры надели на больного наручники и усадили его в милицейский УАЗ. Рана на руке оказалась настолько глубокой, что Гарика под сиреной повезли в приемный покой горбольницы. В эту ночь дежурным хирургом оказался Фридман. Осмотрев рану, он отправил Гарика в операционную.

– Надо руку спасти. Он может остаться без кисти, – проговорил Фридман.

Через несколько минут в хирургическом отделении появилась главврач психбольницы Лариса Ивановна. Увидев Алису, она завела ее в пустую ординаторскую.

– Докладывай, что случилось.

– Я виновата во всем. Это я просила отпустить больного, и Гарик выполнил мою просьбу.

– Докладывай по порядку, я потом сама решу кто прав, а кто виноват.

– Мы приехали к больному. Уже было темно. Больной сразу не понравился Гарику. Он обыскал его и нашел за поясом немецкий штык. Он хотел отвести его в машину, но Свистунов стал симулировать сердечный приступ, и я попросила санитаров дать ему лекарство. Он подвел больного к тумбочке, а там лежала опасная бритва.

– Мне не понятно, почему он остался, когда увидел в руках у больного бритву? Почему не ушел с тобой? Он же тебя предупреждал, что бритвы и стекла из рук больных он не выби- вает. Он говорил тебе это?

– Да, но я не подумала.

– А ты думать научись перед тем, как персоналом командовать. У нас врачи во время стационарирования больных не вмешиваются в работу санитаров. Не царское это дело, потому что завтра больной будет жаловаться врачу на санитаров, а если ты стояла рядом или давала команды персоналу – какой ты судья? Ты такой же враг больного, как и санитар. А тебе лечить

больного надо, анамнез собрать. Врач стоит над схваткой. Он в глазах больного высшая справедливость, третейский судья. Это первое. А теперь о том, что скрыто. У каждого человека в этой больнице свои тараканы в голове. Ты знаешь, почему Гарик боится бритвы? Потому, что у него на глазах больной шизофренией перерезал горло санитару из Ялты. Санитар тот умер за три минуты, после чего сотрудники приемного покоя республиканской больницы забили больного насмерть ногами. Их целый год таскали по следователям.

– Я не знала об этом, – ужаснулась Алиса.

– Ты специализацию проходила в отделении неврозов, а советская психбольница – это другое. Здесь все на нервах. С одной стороны больные со своими проблемами, а с другой стороны баррикады – персонал с очень непростой биографией. К каждому надо найти особый подход. И главное помни, нам не нужны герои и избитые до полусмерти больные. Вам надо было закрыть входную дверь и вызвать милицию, и они бы решали, что делать с убийцей. Ты не должна была оставлять санитаря одного с опасным больным. У него же бред ревности. Его судили за убийство, он проходил принудительное лечение. Ему место в «крытой» больнице. А теперь, после вооруженного нападения на санитаря, он долго не проживет.

– Почему?

– Санитары не любят таких больных. Красная полоса на истории болезни и надпись «Нападение на персонал» – это смертный приговор. И никто этого психа уже не спасет.

– Но ведь бить больных запрещено.

– У нас его никто и пальцем не тронет, а вот в «крытой» больнице на первом посту с ним церемониться не станут. И в его проблемах виновата будешь ты. Если бы вы его усадили в машину и привезли в отделение, он бы вернулся домой через месяц.

– Я испугалась, он хватался за сердце, задыхался, я боялась, что он умрет, – прошептала Алиса.

– Дело не в приступе, а в том, что на месте этого больного ты увидела своего мужа. Инженер в молодости был добрый, умный, ласковый, а жена его предала. Она полюбила настоящего мужчину и переспала с милиционером. А в этом городе ничего не скроешь. Ее муж узнал об измене и стал следить за ней. А потом убил жену, ребенка и тяжело ранил любовника своей жены. У нас четверть больных с психозами страдает бредом ревности. Тебе эта история ничего не напоминает? Не настораживает? Твой муж тюфяк, но не такой тюфяк, как ты думаешь. Твоя измена уже сорвала ему крышу, и если ты не прекратишь эту игру в любовь, тебя ждет такой же финал.

– Я не изменяла мужу, – закричала Алиса.

– Но ты уже с ним не спишь, ты его не воспринимаешь как мужчину. Все твои мысли заняты другим человеком. И он это видит, чувствует, но он не может схватить тебя за грудь и вразумить кулаками. И тут ты права, он не способен на мужской поступок. А когда этот маменькин сынок поймет, что он все потерял, у него сорвет крышу. В лучшем случае, он покончит с собой, в худшем – убьет тебя и ребенка. Десять человек из списка социально опасных страдают бредом ревности, за каждым из них в прошлом убийства. Я понимаю, что после того,

как Гарик спас тебя от неминуемой смерти, показав, каким должен быть настоящий мужчина, ты уже не сможешь жить с подкаблучником, с маменькиным сынком. Но у тебя нет выхода, ты должна доиграть эту роль. Ты меня поняла?

– Да, – чуть слышно произнесла Алиса.

– А теперь иди домой, к мужу, – приказала Лариса Ивановна. – И забудь об этом мальчишке. Эта игра в любовь плохо кончится не только для тебя, но и для всех нас.

– Я дождусь конца операции, – заупрямилась Алиса.

– Похоже, до тебя не доходят простые истины. У нас очень опасная работа, а ты своим присутствием толкнула мальчишку на безумный поступок. Он остался один на один с вооруженным больным не потому, что Свистунов нуждался в срочной госпитализации, а потому, что Гарик в твоих глазах хотел оставаться героем, а не трусом, который испугался вооруженного бритвой больного. На бритву он пошел из-за тебя, хотя прекрасно понимал, чем это может закончиться для него. Он же в твоих глазах не простой санитар, а герой! Я вот смотрю на тебя и не могу понять, почему при твоём появлении солидные мужчины превращаются в идиотов. Почтенные отцы семейств, опытнейшие хирурги, пошли у тебя на поводу и чуть не погибли. Завтра будешь охмурять помощника прокурора, их заинтересовало побоище в хирургии.

Домой Алису привезли в два часа ночи. Муж не спал. Он нервно курил на кухне.

– Почему так поздно?

– Я же тебе звонила, у нас ЧП. Санитара в больницу отвезли.

– Может, ты откажешься от этой работы?

– Мы уже эту тему с тобой обсуждали сто пятьдесят раз. Другой работы для меня в этом городе нет. Мне нужно сейчас осмотреть всех социально опасных больных, а потом все станет на свои места. Я буду сидеть в кабинете с медсестрой, выписывать лекарства и осматривать больных. Все. Не будет ни ночных вызовов, ни выездов на дом к убийцам.

– Почему ты меня игнорируешь как мужчину?

– Володя, не доставай меня. Я устала. У меня голова болит. Сегодня был сумасшедший день.

– Докажи, что ты меня любишь, – он схватил за плечи жену и попытался поцеловать ее.

– Не сегодня. Я устала. Уже поздно, – оттолкнула от себя мужа Алиса.

– Я хочу, чтобы у нас все было, как прежде.

Владимир еще раз попытался обнять жену, но она оттолкнула его.

– Ложись. Я скоро приду. Мне нужно умыться.

А потом в постели она лежала, закрыв глаза, и представляла на месте мужа Гарика. Она целовала и ласкала его страстно и нежно. Муж остался доволен.

«Может, Лариса права? – подумала Алиса после того, как Владимир отвернулся к стене и заснул. – Ничего хорошего эта любовь мне не даст. Красивый мальчик, сильный, смешной, кучерявый. В него можно влюбиться, но жить с ним она не сможет. Одни разговоры о том, что она бросила мужа, кандидата наук, ради восемнадцатилетнего санитаря, ее добьют. А потом, влюбленность пройдет, и она останется вдвоем с мужем, который младше ее на шесть лет. И Володя не перенесет развод. Он еще может смириться, если она выйдет замуж за солидного мужчину, но восемнадцатилетний санитар из психбольницы – это страшный удар по самолюбию. Лариса специально послала ее на ночь глядя к страдающему бредом ревности убийце. Лариса хитрая баба, она сама положила глаз на Гарика, но она его не получит. Он будет мой, но спать я с ним не стану. Я буду изменять мужу ночами, находясь в его объятиях. Он хочет, чтоб я его любила, как прежде. Он получит эту любовь, только отдаваться я буду не ему, а этому мальчишке. Мне же хорошо было сегодня. Почему бы не повторить сегодняшнюю ночь и в другой раз».

В восемь утра Володя принес кофе и бутерброды в постель. Это был устоявшийся ритуал, после ночи любви Володя приносил Алисе «завтрак в постель».

– Такой, как вчера, я еще тебя не видел. Ты была восхитительна. Я боялся, что ты от меня сбежишь.

– Теперь не боишься?

– Ты же меня любишь. Я видел! Извини, что я тебя ревновал. Теперь у нас все будет хорошо. Это ж надо, приревновал тебя к какому-то санитару! Смешно. Прости! Я больше не буду.

– Вот и ладненько. И не надо меня больше встречать у ворот больницы. Если хочешь сделать приятное, приготовь ужин, убери в квартире. А на выходные забери сына у бабушки, а то он скоро нас забудет.

Книга о гипнозе

Гарик в больнице чувствовал себя героем. Он несколько раз пересказал соседям по палате историю о том, как голыми руками вырвал из рук шизофреника опасную бритву. Молоденькие медсестры, делая перевязки, называли его «наш герой» и откровенно заигрывали, а злобный Фридман прямо в палате принял у него зачет по «острому животу». Приходила к нему на свидание и Лариса Ивановна. Она взяла его правую руку и долго смотрела в глаза, а потом сказала: «Женщины любят манипулировать такими, как ты. Дели на десять, что они говорят, и не теряй голову от любви».

Гарик не удержался и спросил, чем занимается теперь Алиса Викторовна? Ездит ли она к социально опасным?

– Мы решили на время закрыть эту тему. Алиса Викторовна сидит на приеме и после кровавой ночи всей душой полюбила своего мужа-инженера. Так что подвиг твой она не оценила. Но ты не расстраивайся. Женщины не отличаются постоянством. Смотри, какие красавицы медсестрички вокруг тебя вьются. Ты для них настоящий герой. Такой момент упускать нельзя.

А на следующем свидании Лариса передала ему толстенную книгу о гипнозе.

– Почитай, тут много интересного, и если ты не хочешь, чтобы тобой манипулировали женщины, научись управлять людьми.

Один раз приходила к нему и Алиса. Она принесла апельсины и была страшно скованной. Он надеялся, что она его поцелует, но женщина была официально неприступной.

– Алиса, что случилось? – спросил Гарик, когда из палаты вышли больные.

– Ничего не случилось. Просто я совершила ошибку, которая могла привести к трагедии.

– Говорят, что ты вернулась к своему мужу?

– Я от него и не уходила, – холодно сказала Алиса. – Он мой законный муж. Забудь обо всем. У тебя своя жизнь, у меня своя. Ты видел, к чему приводят измены.

– Ты боишься, что твой муж повторит судьбу Свистунова? – схватил за руку Алису Гарик.

– Я ничего не боюсь, но я не хочу смотреть на то, как страдают из-за меня близкие люди. Тебе это сейчас трудно понять, но когда ты станешь взрослым, ты поймешь меня.

После этого разговора Гарик решил вернуть Алису при помощи своих новых подружек. Он выбрал из медсестер хирургии самую красивую и стал открыто заигрывать с ней. А когда выписался из больницы, после первого рабочего дня у ворот психбольницы его встретила юная красавица. Мало того, на глазах Алисы он поцеловал свою подружку так же страстно, как и Алису.

Алиса Викторовна сделала вид, что ничего не заметила, и прошла мимо целующихся с гордо поднятой головой. Весь вечер Алиса думала, как избавиться от юной соперницы. На вопросы мужа она отвечала невпопад, а потом устроила супругу такую ночь любви, о которой он не мог и мечтать. Но целовала и страстно любила она не его, а своего восемнадцатилетнего мальчишку.

На следующий день на работе она вдруг поняла, что эта странная ночная игра в любовь с собственным мужем изменила ее жизнь. Ей уже не нужен был кучерявый мальчишка с его глупыми шутками, которого нельзя было по-настоящему любить. Женщина влюбилась в виртуального Гарика – красивого, опытного и ласкового, который по первому требованию был готов в постели выполнить любое ее желание. И ее меньше всего волновало, что за этим мужчиной стоял ее собственный муж. Она просто не открывала глаза до того момента, пока не стихали страсти и не разрешала ему включать в комнате свет.

Владимир чувствовал некую странность в поведении жены, но боялся задавать вопросы о том, почему она ведет себя именно так, а не иначе.

«Может, старше стала, поумнела», – думал Владимир, прогуливаясь у ворот больницы в ожидании супруги. Теперь, по ее просьбе, он вновь встречал с работы Алису и несколько раз видел своего недавнего соперника, демонстративно целующегося с юной красавицей. Владимир даже завидовал Гарику, которого страстно целовала молодая стройная девушка.

А Алиса страдала. Она смотрела на Гарика, на его девчонку и хотела убить обоих. Она, конечно, понимала, что Гарик устраивал это представление только для нее. Он хотел позлить ее, показать, какого мужчину она потеряла. А еще Алиса завидовала девчонке Гарика, которая по-настоящему страстно любила его. Ее ничто не сдерживало, ей не надо было оглядываться по сторонам и прятать свою любовь от нелюбимого мужа.

В такие дни попытки Владимира заговорить с женой во время вынужденных вечерних прогулок по городу наталкивались на ее односложные «да» и «нет».

В отличие от Алисы медсестра Светлана влюбилась в юного студента с первого взгляда еще тогда, когда он вывел из палаты вооруженного осколками стекол больного. А потом она не отходила от него после операции, делала перевязки и даже с ложечки кормила его куриным бульоном.

Девчонки из хирургии внимательно следили за любовным романом своей подруги, и все допытывались у Светланы, чем они занимались минувшим вечером.

– Все, как всегда, – вздыхала Светлана во время перерыва между операциями. – Вначале были показательные поцелуи перед этой врачихой и ее мужем, потом гуляли по набережной, ели мороженое в коктейль баре, после чего через весь город он провожал меня домой на слободку.

– А целуется-то он как? – торопила операционная сестра Люба.

– У него пальцы, как у пианиста. По позвоночнику как проведет, и я уже всё. Он точки знает, что устоять невозможно, и целуется классно.

– Ну, а дальше, что было? – сгорая от нетерпения, спросила Люба.

– А дальше ничего не было, и не будет, – махнула рукой Света. – Я ж ему на первом свидании сказала, что я – девушка, и все остальное после свадьбы. А он поверил и теперь даже не пытается. Постоял немного у ворот и ушел.

– Ты его домой пригласи. У тебя же мамаша ночами дежурит.

– Приглашала. Не идет. Неудобно, говорит, – тяжело вздохнула Света. – Обидеть боится. Говорит, что может не устоять.

– Ты и уши развесила. Врет он тебе все, – неожиданно вмешалась в разговор старшая сестра отделения тридцатилетняя Наташа. – Он по врачихе своей сохнет, Алисе. У нас все хирурги с ума сошли от нее, даже Фридман психа усмирять пошел с одеялом в руках. А Фридман наш ничего тяжелее скальпеля в руках не держал и ни в одной пьяной драке не участвовал.

– Зато Гарик им всем нос утер листком бумаги. Я как увидела бегущего по коридору окровавленного психа со стеклами в руках, чуть со страху не умерла. А Гарик бежит рядом, как ни в чем не бывало. А силища у него...

– У кого, у психа? – спросила Люба.

– При чем тут псих. Гарик как к груди прижмет, туши свет. Косточки трещат. Потом извиняется.

– А с виду дохляк натуральный, ни мышц, ни шеи накаченной, – скривила губки Люба. – Я мускулистых люблю, спортсменов.

– Видела б ты, как он двух боксеров в баре отметелил! Один из них меня на танец пригласил. Я отказала. Тогда они вдвоем подходят, и давай права качать. А Гарик встает со стула и просит их отвалить от меня, так культурно, вежливо просит. Ну, те еще сильнее наглеть стали, меня шалавой обозвали. И тут он юлой завертелся и врезал им по затылку кулаком. Вначале одному, а потом другому. Так оба качка метра три по воздуху пролетели и на ноги встать сами не смогли. А Гарик подошел к ним и извинений потребовал передо мной. И они извинились. У меня такого парня никогда не было. А потом идем по набережной, и он ни слова о драке. Другой уже весь мозг бы проел своими воспоминаниями, как он врезал. А Гарик стихи читает Есенина.

– И чего удивляешься, он же в психушке работает. Их там таким приемчикам учат, что мама не горюй. К нам медсестра приезжала за больным летом. Гарик в отпуске был. Так она мужику руку заломила не хуже милиционера, – произнесла Люба. – Пошли руки мыть. Сейчас больного привезут. Потом договорим.

Встреча с колдуном

Прошла неделя. По просьбе Алисы Викторовны главврач перевела ее на амбулаторный прием в первую смену. Рабочий день теперь у Алисы начинался в восемь, а заканчивался в два часа дня. За это время она должна была осмотреть два десятка больных, назначить им лечение и решить проблемы с соседями и сослуживцами.

Это утро не предвещало для Алисы особых проблем. Все было, как обычно. И только через несколько лет она поняла, что именно это утро стало переломным в ее жизни.

Первой в кабинет участкового психиатра вошла медсестра из регистратуры Елена Ивановна Кравчук. Она положила на стол какие-то бумаги и сказала, что привели на прием колдуна.

– Кого привели? – переспросила Алиса Викторовна.

– Колдуна Ивана.

– Он у нас на учете?

– Колдун Иван настоящий колдун, – пояснила Кравчук.

– Из детской сказки, – улыбнулась Алиса.

– Вы не смейтесь, он настоящий колдун. Он посмотрел на меня и сказал, что я извела своего мужа, и за это он накладывает на меня венец безбрачия.

– Мало ли что несут наши больные.

– Он не больной. Я действительно извела своего мужа. Я ему в еду тайно подсыпала антабус, чтобы он бросил пить. Некоторое время Вася не пил, а в понедельник встретил на вокзале своего давнего друга. Они вдвоем распили бутылку водки, и Вася умер.

– С мужем твоим понятно. Это несчастный случай. А кто колдуна привел сюда?

– Они, – ткнула пальцем в потолок Кравчук. – Двое из КГБ. Они сказали, что у них там месячник по борьбе с колдунами и ведьмами. А этот колдун не простой, он антисоветский колдун.

– Лариса Ивановна где?

– Я ее с постели подняла, разбудила. Она сказала, чтобы вы осмотрели этого колдуна, не заводя карточки и ни в коем случае не направляя его в стационар до ее прихода.

– И когда она придет?

– Не знаю, она только что проснулась и, судя по всему, не одна.

– Зови.

– Кого, колдуна?

– Нет. Зачем мне колдун. Сопровождающих зови.

– Через минуту в кабинет вошел длинноносый, похожий на ворона, мужчина в сером костюме. Он издала показал красную книжечку и представился подполковником Ивановым из Управления.

– Меня зовут Петр Петрович, – продолжил он. – А это мой молодой помощник Владимир Ильич Петренко. Мы доставили к вам колдуна Ивана на стационарное лечение.

– Насколько я знаю, он не состоит на учете. Вы врач или у вас есть направление от врача?

– Нет. Врач вы, вы и заполните направление, а мы отвеем колдуна в приемный покой.

– Колдуна в стационар можно положить только по указанию главврача.

– Хорошо. А побеседовать с этим колдуном вы можете?

– Побеседовать смогу, если он пожелает со мной общаться.

«Интересно, кто сегодня ночью ублажал Ларису Ивановну. Она могла и Гарика затащить в свою постель», – подумала Алиса. То, что Гарик не скрывал свои чувства к медсестре из хирургии, ее не волновало. Молодая девчонка, как нашла, так и потеряет, а вот Лариса – это другое дело. Если он окажется в ее постели, он уже никогда не вырвется от нее. Сорокалетние бабы умеют привораживать молодых парней раз и навсегда.

В этот момент открылась дверь, и в кабинет царственной походкой вошел колдун Иван. На нем был дорогой расшитый золотом узбекский халат, золотая цепь на груди и высокий головной убор, похожий на «тройную тибетейку». В руках он держал волшебный кристалл.

– Это не мне надо лечиться, – торжественно произнес колдун. – Гложут тебя страшные мысли об изменах и наслаждениях. Грех изменять убогому с молодым и ветреным, грех. Смирись и живи с убогим.

«Черт возьми, он читает мои мысли, – ужаснулась Алиса. – Может, он и вправду колдун?».

– На что жалуетесь? – не поднимая головы, спросила Алиса Викторовна.

– На сатрапов из органов жалуюсь, так и запиши. Невинного человека привезли, в психдом упрятать хотят за правду и истину.

– Я о здоровье вашем спросила.

– О здоровье вам и сказал – здоров, а вот подполковника язва гложет. Умрет скоро, и туда же, к колдунам и ведьмам. О здоровье подумай!

– Со здоровьем вашим понятно, – прервала Алиса. – А теперь, скажите, как вы стали колдуном?

– Это известно всем на этой земле, и вы знаете!

– Я ничего не знаю о вас.

– Обо мне газеты писали и по телевидению рассказывали. Меня током убило на железной дороге зимой. Ночь в сугробе пролежал. Потом дружок домой принес в деревню. Докторша осмотрела и признала мертвым, а когда в могилу опускали, я и ожил. Журналисты про этот случай узнали. Отвезли в Ленинград, чтобы ученые изучили мой феномен, там признали меня колдуном, вот с тех пор и предсказываю людям их жизненный путь. Привороты знаю сильные и отвороты. Венец безбрачия снять могу, судьбу по руке предсказать.

– Не верьте ему. Мошенник он, а не колдун, – тут же прокомментировал рассказ колдуна Иванов.

– За слова эти ты попадешь в ад, – моментально отреагировал колдун. – И умрешь не как мужчина, а засранцем – от дизентерии.

– Стоп, – на полуслове оборвала колдуна Алиса. – Кто и от чего умрет, никто не знает. Скажите, пожалуйста, вы когда-нибудь обращались к врачам-психиатрам?

– Один раз, когда за правами ходил.

– Вы управляете своим автомобилем?

– Да, я езжу на черной «Волге», – подтвердил колдун. – При моей профессии без машины никак нельзя.

– С ваших слов записываю, что вы уже проходили обследование у врача-психиатра, и он, на момент осмотра, не обнаружил у вас каких либо психических отклонений.

– Конечно, вот мои права, – вскочил со стула колдун Иван, протягивая врачу документы.

– С этим разобрались. Ваши права выписаны на фамилию Бояркин Вадим, а вы мне представились Иваном.

– Поясняю с удовольствием, – посмотрев на магический кристалл, продолжил колдун. – Иван мое колдовское имя. Не стану же я себя называть колдун Вадим. Это не звучит, а вот колдун Иван – совсем другое дело. Словосочетание колдун Иван создает в сознании человека образ настоящего мага и волшебника, возвращает потенциального клиента в детство и дает мне широкий простор для устранения болезней, порчи, наговоров и прочих гадостей, которые преследуют моего клиента.

– С псевдонимом я поняла. А настоящая ваша фамилия Вадим Бояркин. И родились вы в Москве, – перелистав паспорт, уточнила Алиса.

– Да, эта фамилия у меня в паспорте прописана.

– И еще вопрос, вас когда задержали?

– Утром. Я грехи готовился отпускать убогим, а тут пришли эти двое и к вам привезли.

– При задержании вы сопротивлялись?

– Нет.

– Вас били?

– Нет. Все было прилично. Меня посадили в машину и привезли сюда.

– Теперь расскажите, почему вас привезли в больницу?

– А вот об этом я могу рассказать, доктор, вам наедине. Пусть эти двое выйдут, и я вам расскажу всю правду о своей жизни.

– Оставьте нас, – попросила Алиса. – Мне поговорить с больным надо без свидетелей.

– Мы этого не можем допустить. Он опасный преступник, – возразил Иванов.

– Тогда забирайте своего колдуна и идите к другому врачу.

– Доктор, мы заботимся о вашей безопасности, он очень опасный преступник. Он вас изнасиловать может, – продолжил подполковник.

– А вы у двери сидите, как он насиловать начнет, я вас позову, – улыбнулась Алиса.

Как только сопровождающие вышли из кабинета, колдун подошел к Алисе и зашептал ей в самое ухо: «Вы спасите меня от этих сатрапов, и я решу все ваши проблемы прямо сегодня. Они меня в дурку хотят спрятать не потому что я больной, а из-за моих предсказаний. Короче, приходит ко мне баба начальственного вида, еще не старая, но уже и немолодая. И говорит, погадайте, с кем спутался мой муж, сил на меня у него совсем не осталось. И фотку на стол кладет, а кем работает, не говорит, но по всему видно – начальник большой. Я ей говорю, а фото секретарши его у вас есть? Она вытаскивает несколько фотографий и кладет на стол фотографию женщины с распутными глазами. Я это фото к магическому кристаллу поднес и говорю ей внушительно: «Высшие силы только что оповестили меня о том, что все соки из вашего мужа высасывает его секретарша в обеденный перерыв в комнате отдыха».

Выслушала она мой приговор и не уходит. Думает о чем-то, а потом спрашивает: «А чем докажете, что это так?».

Я смотрю на бабу, и у меня сомнения вдруг появились, ну не похожа она на женщину, лишённую мужских ласк. Сытая такая, спокойная, короче, удовлетворённая жизнью баба передо мной сидит, и не один раз. И тогда я иду ва-банк: «А хотите, я на вас погадаю?». Она мне – гадайте. Ну, я и выдал ей про любовника. И говорю, могу, мол, даже отгадать, кто из тех, что остался на двух фотках, ваш любовник.

Она фотки кладет на стол, а я сам думаю, чего бы взрослая баба фотку чужого мужика с собой таскала к колдуну. И тогда, говорю ей, что они двое ее любовники и есть. А этот, я показываю на молодого, полчаса назад с вами в постели лежал, и вы им остались довольны.

Молодого я в окно видел. Он ее подвозил к моему дому.

– Тут она подскочила и кричит: «Ну, сучка, сейчас она у меня получит». Деньги оставила и ушла. А утром прибежали эти двое и привезли сюда за провокацию и подрыв устоев нашего государства. Оказалось, что эта баба дождалась обеденного перерыва и вытащила из комнаты отдыха голую секретаршу своего мужа. А та, в свою очередь, обвинила жену начальника в том, что она заставила ее мужа удовлетворять ее желания в рабочее время. Короче, подрались эти бабы в приемной большого начальника до крови. Но это еще не все. Во время драки выяснилось, что этот молодой и с секретаршей, и с женой начальника по первому требованию ложился в постель. А я в этой истории крайним оказался. Они меня хотят в дурку сплавить, чтобы я нигде не проболтался об этом пятиугольнике. Дураком хотят сделать, а с дурака какой спрос. Вы мне помогите, а я вашу проблему решу.

– У меня нет никаких проблем, – быстро сказала Алиса.

– Есть проблема. И я ее решу прямо сегодня.

Вскоре в своем кабинете появилась Лариса Ивановна. Первой к себе она вызвала Алису Викторовну.

– Что с колдуном? Докладывай.

Алиса пересказала версию колдуна о пятиугольнике.

– И что нам теперь делать с этим колдуном?

– Послать их подальше. Он абсолютно здоров.

– КГБ посылать нельзя, – покачала головой Лариса. – Пиши направление.

– Я писать не буду. А если ты напишешь, колдун на тебя порчу наведет. Всех любовников растеряешь. Или венец безбрачия на тебя повесит, и не будет у тебя больше мужа, – предупредила о возможных карах Алиса. – Лариса, он все знает и про меня, и про тебя. И про мужа моего, и про Гарика, и всех твоих мужей перечислил.

– Тащи сюда колдуна с сопровождающими. Я с ними сама разберусь.

Следующие два часа Лариса Ивановна провела в беседах с колдуном и людьми из органов. Чекисты настаивали на срочной госпитализации колдуна с установкой диагноза шизофрении, Лариса говорила, что колдун психически здоров, и в больнице ему делать нечего.

– В месте, времени ориентируется, рассуждает вполне логично, бреда и галлюцинаций нет. С чем я его положу?

– Он больной уже потому, что называет себя колдуном. Он мошенник, а не колдун, – стал объяснять врачу Иванов.

– Так посадите его за мошенничество.

– Мы не можем его посадить из-за того, что он может разгласить конфиденциальную информацию.

– Вы имеете в виду любовный пятиугольник? – улыбнулась главврач.

– Повторяю еще раз. Не было никакого пятиугольника. Этот негодяй клеветает на партийно-советские органы.

В конце концов людям в штатском все же удалось убедить Ларису Ивановну в том, что в данный момент колдун Иван представляет страшную угрозу устоям СССР и нуждается в срочной госпитализации.

– А вы представьте на секунду, что и с вами такая история приключилась. Лежите вы в комнате отдыха с уважаемым высокопоставленным мужчиной, а тут в кабинет его жена врывается с криками и оскорблениями, – голосом предсказателя заговорил Иванов. – И что вы будете делать в такой ситуации?

– Вы забыли сказать, что жена этого высоко сидящего товарища к тому же вооружена пистолетом, украденным у милиционера, или автоматом, – громко рассмеялась Лариса. – Не будет этого никогда, потому что на работе я работаю, а с мужчинами встречаюсь исключительно за закрытыми дверями в своей квартире.

– Я бы на вашем месте не зарекался, – покачал головой чекист. – В этой жизни всякое может случиться. Сегодня вы сверху и на коне, а завтра уже кто-то на вас скачет в светлое будущее.

Но главным аргументом в медицинском споре стали не симптомы болезни и предсказания, а список любовников Ларисы Ивановны, в котором десятым номером проходил санитар психбольницы Гарри Барский.

– Вы мне тут лишних любовников приписали, с малолетками я не сплю принципиально, но в принципе я согласна. Мы с вами должны блюсти моральные принципы строителя коммунизма. Поэтому сделаем так, я после обеда отправлю колдуна Ивана в республиканскую больницу на ВКК и попрошу своих коллег принять правильное решение. А уж как они его будут лечить и где, – это не моя проблема.

– Направление кто напишет? – уточнил Иванов.

– Я напишу. А за это вы дополните мой список молодым, красивым и неутомимым, чтобы его на всю ночь хватало, а не на пять минут по воскресениям.

– Мы поищем, – расплылся в улыбке подполковник.

– Я пошутила. Мне еще ваших жеребцов не хватало в постели. А вот про пятиугольники я раньше не слышала. Молодцы мужики. Это ж надо такое придумать. Женами поменялись.

– Тут ведь дело не в том, что народ у нас плохой, дело в том, что чужая баба всегда лучше своей кажется, – перешел на шепот Иванов. – Ну, поменялись мужья женами, а результат оказался тот же.

– Почему же, женщины-то в выигрыше были с дополнительными ласками.

– Не оценили, Лариса Ивановна. Это же надо такое кадило раздуть на пустом месте. Теперь им ни разнообразия, ни дополнительной любви. Будут довольствоваться тем, кто в паспорт вписан для постоянного использования.

Лариса Ивановна тут же набрала регистратуру.

– Вызови Гарика срочно и пусть колдуна везет в республиканскую больницу на ВКК.

– Гарик не нужен, колдуна Алиса Викторовна отвезет сама. Он на меня порчу навел, а она обещала все исправить, – сообщила Кравчук.

– Одна она никого не повезет. Удерет колдун – меня тут же повесят на реях. Вызывай санитаров, пусть вдвоем едут, а потом к социально опасным пусть едут. Я им сама подберу больных для осмотра.

Гарик прибежал в больницу минут через десять.

– Что случилось? Мне сказали ЧП серьезное.

– Ага, серьезное, чинушам из горкома задницу прикрывать будем. Государственного преступника повезем на ВКК, – парировал Костя. – Вот охота мне пилить сейчас в Краснолиманск, а потом еще по этому списку.

– Вечером с Ларисой поедем?

– Нет. С Алисой из страны чудес. Так что готовься, будет тебе и дудка, будет и свисток.

– Что ты меня пугаешь, ну что она мне сделает?

– Ты про сестру милосердия вспомни. Сейчас получишь и за сестру, и за милосердие. Но баба там, конечно, в теле. Заводная. Вот только в жены такую оторву я бы из хирургии брать не стал. Каждый день мужиков видит со всеми делами, бреет там. Я как только представлю, чтобы моя жена брила какому-то козлу причинное место, член его в свою руку брала, так у меня всякое желание пропадает.

– Надо свой аргумент иметь весомый. Тогда и за бабу будешь спокоен. А если у некоторых на раз пописать осталось, то от такого Геракла последняя парикмахерша сбежит, – зло ответил Гарик. Ему не понравилось, что Костя стал обсуждать особенности работы его подружки.

– Тоже мне, нашелся мужик с весомым аргументом, иди колдуна принимай. У диспансера двое в штатском стоят.

В этот момент из регистратуры вышла Алиса. Она поддерживала под руку колдуна Ивана.

– Смотри, как баба сияет. Она тебе замену нашла. А чего, колдун в самом соку. Чувствуется, крепкий мужик и с бабьем общаться умеет, не то что некоторые.

Гарик направился к Алисе, собираясь забрать у нее больного, но она остановила его.

– Я в помощниках не нуждаюсь. Сама доведу.

– Его обыскать надо перед поездкой, – нахмурился Гарик.

– Себя обыщи.

– Алиса Викторовна это не я придумал. Это в правилах транспортировки душевнобольных записано.

Алиса довела колдуна до машины, уложила его на носилки и сама села рядом.

– Это мое место, – подлетел Гарик к машине. – Я должен находиться рядом с больным.

– Садись вперед и закрой окно в салон, – ледяным тоном произнесла Алиса.

– Это нарушение инструкции. Рядом с больными находятся санитары. Для врачей место впереди.

– Не нравится, иди к Ларисе Ивановне, а мы поедем без тебя.

– Но я же отвечаю за больного, – стоял на своем санитар.

– За больного отвечаю я, а ты мне поможешь, если я попрошу. Ты меня понял? – повысила голос Алиса. – Я здесь врач, а ты всего лишь санитар.

Гарик сел рядом с водителем, но с таким расчетом, чтобы можно было видеть, что происходит в салоне.

– Костя, а ты заблокировать замки на дверях в машине можешь?

– Это что тебе, мерседес бэмс? Ты едешь на самой старой машине горздрава. Ее со «скорой» списали пять лет назад. Сказали, для психов сойдет. Но ты не бойся за психа. Никуда он не денется. Ему сначала с носилок встать надо, а потом через Алису перелезть. Я в зеркало их хорошо вижу.

– Вышвырнет он на ходу ее из машины, а мне отвечать.

– А Алису тебе уже не жалко, – поддел Гарика шофер. – Она же при падении на асфальт носик свой прекрасный может поцарапать. Но если без шуток, не ожидал я от Алисы такого. Она что, на колдуна запала?

– Передо мной выпендривается, неужели не понял? Опять начальника из себя корчит, а больных обыскивать перед поездкой положено. Вдруг у него нож или заточка в кармане?

– Брось пургу нести. Ты сам виноват в своих проблемах. Зачем с этой сестрой милосердия спутался? Вот она и злится на тебя. И поверь мне, она за эту медсестричку колдуна попросит порчу на тебя навести, чтоб ты не мог ее ночами ни разу. Колдун – это большая сила.

– Не было у меня с этой медсестрой ничего. Целовались только.

– Это ты Алисе расскажешь, а в больнице девчонки из хирургии про тебя слухи распускают, говорят, что ты Светке ребенка заделал, а еще говорят, что ты ее девять раз за ночь смог.

– Это не про меня. Я мальчик скромный, вежливый, женщин не обижаю по девять раз за ночь.

– Расскажи, как она в постели.

– Кто?

– Ну, медсестра твоя.

– Говорю ж тебе, не было у меня с ней ничего, кроме показательных поцелуев, чтобы Алису и ее мужа позлить.

– Вот кого не люблю, так это тихушников. Мы тебя, на ночь глядя, зачем на слободку везли?

– Я Ларисе хотел показать, что у меня постоянная девчонка есть.

– Ну, типа, что ты уже взрослый.

– Нет. Лариса со мной последнее время разговоры непонятные заводит о женщинах и любви.

– Это она тебя от Алисы отваживает. После того, как у нас появилась эта красотка, Лариса в парикмахерскую уже три раза ездила, прически делала с завитушками, платье новое пошила нарядное. А ты ее старухой обозвал.

– Не говорил я такого, что ты несешь. И дома у Светки я не был. Она меня предупредила, что замуж хочет девушкой выйти, а не бабой потасканной, чтобы муж у нее первым был.

– Похвальное желание. А я думал, что ты себя для Алисы бережешь.

– А что мне беречь, если у меня еще по-настоящему женщины не было. Светка сказала, что сделает для меня все после свадьбы, а в училище девчонкам ничего этого не надо. Целоваться с парнями любят, а как до дела дойдет, орать начинают на всю общагу.

– Тебя послушать, так ты последний девственник Казантипа. Люди, держите меня. Сейчас умру от смеха, – заржал шофер. – А вот я не стесняюсь своих походов. Что было, то было. Моя жена всех моих баб знает, которые у меня до нее были.

– Костя, скажи, а зачем ей эта информация?

– Чтоб ценила сильней, раз другие любили, значит, настоящий мужик.

– А если своей будущей жене в день свадьбы своих прошлых баб не предъявил, то уже дефективный?

– Ну, вроде того, это же реклама, знак качества.

Пока водитель с санитаром говорили о медсестрах, врачах, и любви, колдун Иван прокручивал в голове разные варианты своего чудесного освобождения. Вначале он хотел выпрыгнуть из машины, но бегать по полям в тяжелом узбекском халате – занятие не самое лучшее. Можно было взять в заложники Алису, но он побаивался санитаров, который вначале бьет, а потом думает. Да и КГБешники в стороне не останутся, всех на уши поставят. Оставалась только Алиса, которая слушала колдуна, раскрыв рот.

Вначале, чтобы убедить врача в своих чудодейственных возможностях, он небольшими порциями выдавал сокровенные тайны ее личной жизни. Женщина была поражена. Потом он перешел к Ларисе Ивановне. Глядя на волшебный кристалл, перечислил всех ее мужей и любовников. Потом рассказал о том, чем занимается ночами санитар Гарик с медсестрой Светой из хирургии в красках и подробностях. Этот рассказ произвел неизгладимое впечатление на врача.

– И как ты могла красавица, врач, замужняя женщина связаться с этим ничтожеством?! Брось его. У тебя с санитаром по определению ничего не может быть. Кто он и кто ты, – повысил голос колдун. – Я не вижу его рядом с тобой. Забудь о нем и никогда не подпускай к своему телу.

– У меня с ним ничего не было.

– Это ты мужу расскажи, а не мне. Я же видел, как ты его строила. К другой бабе ушел, а ты его обратно вернуть пытаешься.

– Вы ошибаетесь. Это неправда.

– Да не суетись ты так. Не пара он тебе. Ищи солидного мужика, с положением и деньгами. А этого выбрось на помойку. Он мизинца твоего не достоин. Ничего в нем нет: ни силы, ни красоты мужской, ни перспектив. Да и в семье с ним непросто будет. Чуть что, побежит прицел проверять с другими дамами.

– Вы будущее умеете предсказывать? – решила сменить тему Алиса.

– Я не предсказываю, я указываю на твой путь, и ты пойдешь по нему, как только звезды на небе выстроятся в определенном порядке. Руку давай.

Алиса раскрыла ладонь. Колдун прикрыл глаза и провел большим пальцем по линии жизни.

– У тебя будут три жизни: одна здесь. Короткая и прямая, с побегом от мужа. Потом дальняя дорога. И новая любовь, новая страсть, а потом ты вернешься к своему мужу и сыну, и до самой смерти будешь замаливать грехи перед богом.

– А Гарик?

– Его нет в твоей жизни. Он или погибнет молодым, или исчезнет из твоей жизни навсегда. Не знаю, но я его не вижу рядом с тобой. И еще, бойся «пиковую даму». Она будет тобой управлять до конца жизни.

– Пиковая дама – это главврач? – уточнила Алиса.

– Пиковая дама – это дама пик. Может, и Лариса, а может и какая-то другая женщина. Я не знаю.

– Гарика и вправду могут убить?

– Работа у него не простая, но это не связано с работой. Просто ты его предашь дважды и будешь наказана! Все, больше ничего не скажу. Бросай его и забудь. Поклянись, что ты больше не прикоснешься к нему. Клянись и целуй мою руку. И я сниму с тебя это проклятье.

– Я не верю твоим предсказаниям, – отодвинулась от колдуна Алиса. – И руку убери свою. А то они машину остановят и накостыляют тебе.

– Твое дело верить или нет. Я могу ошибиться. Но Гарик человек злой и жестокий. Нет. Не так. Сегодня это образ злого и сильного санитаря, которого должны бояться больные. По-настоящему злым и жестоким он станет после того, как ты его предашь и уедешь из этого города. А потом он встретит тебя и сойдет с ума.

– Мы уже подъезжаем к больнице. Меня просила Кравчук поговорить о ее проблемах, – попыталась сменить тему Алиса.

– Ты посмотри вокруг, какие достойные мужчины тебя окружают. Даже я, колдун Иван, оценил твою красоту. Ты лучшая в этом городе. Ты самая красивая, и самая привлекательная. И я не такой старый, как ты думаешь. Помоги мне, и я помогу тебе. У тебя все впереди, а на вашу медсестру я наложил порчу, потому что она убила антабусом своего мужа. Кравчук работала в психбольнице и прекрасно знала, что травит своего мужа ядом. Без согласия больного врачи антабус не назначают. Иван не знал, что его супруга-медсестра тайно подсыпает ему в еду этот опаснейший яд. Муж умер, и чем мы можем помочь ему, ей. Фактически она совершила убийство, и за это убийство придется ответить еще при этой жизни.

– Я все поняла, – помрачнела Алиса. – А теперь то, что касается вашего ближайшего будущего. Вас поместят в первое отделение. Я поговорю с заведующим. Он мой давний знакомый. К вам отнесутся по-человечески, с уважением. Не конфликтуйте с персоналом. Санитары и фельдшера описывают поведение каждого больного. От этих записей зависит решение ВКК. Через три дня вас могут выписать с неврозом или психопатией, или оставить на несколько месяцев в буйном отделении с шизофренией. Все зависит от вас и от журнала наблюдения за больными. Если там будет запись: «Нападение на персонал и угроза врачам», никто вам не поможет. Забудьте в больнице, что вы колдун и хороший психолог. Вы здесь случайный пассажир, направленный на обследование, и все. И не вспоминайте там КГБ. В направлении нет ни слова о том, что произошло на самом деле.

Алиса отвела на ВКК колдуна. Гарик следовал за ней. Среди тех, кто должен был обследовать больного, был высокий стройный мужчина в тщательно отутюженном халате. Увидев Алису, он вскочил со своего стула, подбежал к ней и стал расспрашивать о делах.

– Алисонька, и как вам Казантип? Не жалеете, что покинули столицу?

– Честно говоря, Виктор Иванович, жалею. Скучный город. Работа – дом. А вы еще не женились?

– Нет. Моей женой может стать только самая красивая женщина полуострова. Но она замужем.

– Найдите другую, – улыбнулась Алиса.

– Я вас видел вчера во сне. А это знак. Скажите, а что вас привело сюда? Я чем-нибудь могу помочь?

– Да, мне нужна ваша помощь.

– Ну, тогда прошу в мой кабинет, Алиса Викторовна. У меня есть прекрасный кофе. Коллеги, перерыв.

– Подождите нас здесь, – бросила Гарику Алиса.

– Нам ехать надо. Или оформляйте, или я везу его назад.

– Кто этот молодой человек? – удивленно уставился на Гарика заведующий.

– Санитар из нашей больницы.

– У вас санитары врачами командуют, Алиса Викторовна? Молодой человек, повторите, что вы сказали.

– Я сказал, или вы оформляйте больного, или я везу его в Казантип. У меня времени нет ждать, пока вы с доктором будете кофе пить. У нас машина без дела стоит.

– Ну и нахал, – протянул врач. – Василий Георгиевич, осмотрите больного и оформите документы. Я подпишу. А вас я запомню санитар, как ваша фамилия?

– Гарри Барский из Казантипа. Запишите, пожалуйста, а то у пожилых мужчин бывают провалы памяти.

– Гарик, ты что себя позволяешь! – закричала Алиса. – Я доложу главврачу, что ты тут устроил!

Она подхватила врача под руку и пошла с ним по коридору.

– У меня персонал по струнке ходит, – не мог успокоиться Виктор Иванович. – Я сам поговорю с Ларисой Ивановной. Этого хама надо отстранить от работы.

Неожиданно он остановился и крикнул: «Василий Георгиевич, вызовите санитаров из первого отделения. Пусть сопровождают больного. Вы меня слышите?».

– Слышу.

– Я требую отстранить этого хама от работы.

Через пять минут в кабинет ВКК влетели два здоровых санитар с полотенцами в руках.

– Что тут у вас случилось? – спросил один из них.

– Виктор Иванович отстранил от работы санитар из Казантипа. Петр Петрович, отведите больного в приемный покой. Пусть оформляют. А этот хам останется здесь.

Санитар повернулся к сидящему у окна Гарику.

– Тебя, что ли, отстранили? – удивленно посмотрел на Гарика санитар. – Да он у нас две недели стажировку проходил. У него же нервы из железа.

– Он оскорбил заведующего отделением, – продолжил врач ВКК. – При даме намекнул на его возраст. А такого Виктор Иванович никому не прощает.

– Василий Георгиевич, мы без этого Казантипского хама провести больного через приемное отделение никак не сможем. Он должен за барахло больного в журнале расписаться.

– Сам распишись. Скажи, что Виктор Иванович отстранил санитар от работы.

– Да в приемном отделении старший фельдшер сейчас пошлет на хрен и меня, и вас, и Виктора Ивановича. У них инструкция. За ценные вещи и барахло расписываются СОПРОВОЖДАЮЩИЕ и работники приемного отделения. И отстранить санитар от работы он может после того, как тот сдаст больного. Иначе там вони будет на всю неделю.

– Короче, Петр, я тебе передал указание шефа. Выполняй. Тащи этого колдуна в приемный, а кто там и за что будет расписываться, мне фиолетово. Но этого Гарри Барского чтоб я тут больше не видел.

– Гарик, чего ты взбесился? – хлопнул по плечу санитар Петр, когда они вышли из кабинета. – Виктор Иванович нормальный мужик.

– Я чего буду в коридоре с больным сидеть, пока он кофе с моей врачихой будет распивать. У меня что, дел других нет. Кобеляж устроили в рабочее время.

– Гарик, так это ж традиция. Виктор Иванович ни одну юбку не пропустит мимо себя.

– Вот в нерабочее время пусть и занимается бабами, – буркнул под нос Гарик.

– Ну, ты даешь, мужик. А может, ты сам на эту врачиху запал? Так это мимо денег. У нас с врачами разные орбиты. Санитарки и медсестры – наш контингент, а на врачих санитару смотреть не положено. Белая кость. С работы попрут в момент за разврат, за пьянку, за дебош. И что, классная баба?

– Да, бегает он за ней, бегает! – неожиданно влез в разговор колдун. – Вы бы видели, какая там врачиха! Персик. Да не видать ее тебе, как своих ушей. Она себе достойного мужчину найдет. С положением, деньгами. А ты всю жизнь в санитарях просидишь, ничтожество!

– А ну заткнись! – заорал санитар Петр. – А то эти три дня для тебя адом покажутся. Санитары решают, кому жить у нас, а кого в деревянный макинтош одевать. Гарик мужик правильный. Он себя показал здесь как надо. Не рви сердце, я переговорю с Виктором Ивановичем. Не станет он докладных писать.

– Не надо ни с кем говорить, и извиняться я за чужой кобеляж не буду, – отрезал Гарик. – Я сам все решу.

Колдуна завели в ванную. Сняли с него парик, отклеили бороду и раздели догола. Гарик сидел в коридоре на стуле.

– Сопровождающего сюда, – услышал он писклявый голос старшего фельдшера.

Гарик вошел в ванную комнату.

– Ты кого нам привез? Где его ксивы?

– Паспорт в истории был.

– Да, паспорт у меня в руках, – оборвал фельдшер. – Тут на фото пятидесятилетний старик, а больному и тридцати нет.

– Мне откуда знать, кто он. Какой паспорт предъявил, по тому и оформили.

– Так, записывай, первый косяк. Не твой. А теперь второй. Твой личный. У него нож выкидной в кармане халата лежал на пять пальцев. А это уже холодное оружие. Ты почему не обыскал больного перед поездкой?

– С ксивами разбирайтесь, а за нож отвечу. Моя вина. Пиши в приказ.

– погоди, Константин Михайлович, – обратился санитар Петр к старшему фельдшеру. – За нож его попрут с работы однозначно. А ножик хороший. Может, я возьму его себе?

– А если на нем кровь. Мокруху тоже возьмешь? – недовольно посмотрел на санитару Константин Михайлович.

– А вот насчет мокрух, колдовства и фальшивых ксив мы с колдуном сами поговорим. За три дня он нам всю правду расскажет или сдохнет в муках. Я правильно говорю, колдун?! Молчит. Значит, боится. Ментам не звони пока. Зачем людей по пустякам тревожить. И тебе совет, Гарик, в следующий раз шмонай больных по-взрослому. Константин Михайлович только со мной добрый, а с остальными он суров. И еще, на Виктора Ивановича буром не иди из-за бабы. Если он глаз на нее положил, то трахнет обязательно, и ты ничего не сделаешь. Он у мужей из-под носа баб уводит. Причем эти чужие жены сами виснут на нем, как виноград на ветках. Так что забудь ты про свою Алису из страны чудес. Считай, что ее уже отлюбил мой шеф.

– Так он тебя и послушает, – неожиданно влез в разговор голый колдун. – Да он из-за этой бабы удавит любого. А на него самого главная врачиха дурдома глаз положила, в кровать к себе затащить хочет.

– И все-то ты знаешь, колдун, и везде-то ты побывал. А у нас контора закрытая. Здесь болтунов-колдунов ой, как не любят. Особенно тех, кто про персонал сплетни распускает. Гарик, расписывайся в книге, и вали отсюда, пока Виктор Иванович твою бабу не женил на себе в рабочем кабинете.

Гарик быстро вышел из приемного отделения, подошел к машине.

– Алиса где? – спросил он у шофера.

– Кофе пьет.

Гарик прошел в экспертное отделение, нашел кабинет председателя ВВК и без стука распахнул дверь.

Алиса мило болтала с Виктором Ивановичем.

– Больного я сдал. Мы уезжаем. Можете оставаться, если желаете.

– Подожди. Я сейчас выйду.

Ее «сейчас» растянулось на полчаса. Наконец, она появилась у машины в сопровождении Виктора Ивановича.

– Я остаюсь в Краснолиманске до завтра. Можете ехать без меня, – сообщила водителю Алиса Викторовна.

– А раньше сказать об этом нельзя было? – возмутился Гарик.

– Нет. Я только что приняла это решение. Так что прощайте.

Гарик такой подлости от Алисы не ожидал.

– Я ж тебе говорил, что этот Виктор Иванович ее любовник, а ты не верил. У меня чутье классовое на измены. В общем, пролетел ты мимо врачихи, как фанера над Парижем.

– Еще неизвестно, кто пролетит! – буркнул под нос Гарик. – Меня на слободке высадишь.

– И со Светкой ты пролетишь сегодня. Она баба тертая, до свадьбы не даст, иначе ты не женишься на ней. Она ж у нас девушка нетронутая. А после свадьбы всем по барабану будет, первый ты у нее или сто первый. Законная жена, блин. Моя тоже до свадьбы девушкой прикидывалась, а потом призналась, что я у нее уже пятый.

– Может, сто пятый? – поддел шофера Гарик.

– Нет. Она мне фотки первой пятерки показывала в альбоме. Да и опыта у нее в этих делах не было. Только на третий год в ней баба проснулась. А на первых порах доска доской в постели.

– Тебе видней. А я все равно Светку проверю сегодня на вшивость. Заодно и узнаю: врет она или нет, – махнул рукой Гарик.

– Проверять как будешь? По старинке или у вас особые наработки имеются.

– Я женщин не насирую, – стал серьезным Гарик. – Я особые точки знаю на позвоночнике. Меня наш невролог иглотерапии учила. Если правильно надавить, женщины заводятся без иголок.

– И на ком ты проверял эти точки? На шизофреничках или психопатках?

– На ней и проверил. Она показала, куда давить, ну, я и надавил.

– И какой результат?

– Положительный. Ей понравилось.

– И это все?

– А что я должен был с ней еще делать?

– Баба ж открытым текстом себя предлагала.

– Не тот случай. Ей уже под сорок, а замужем никогда не была и лечит иголками только баб.

– А ты как к ней попал?

– Лариса послала. Сказала, иди, учись. Пригодится в жизни, – пояснил Гарик.

– И Лариса была твоя первая пациентка?

– Ну и дурак же ты, Костя, – неожиданно взорвался Гарик. – Лариса главврач больницы. Если ей иголки пропишут – она к врачу пойдет. Я ей зачем?

– И на ком ты еще проверял полученные знания?

– На Светке пару раз.

– И что, работает?

– Не знаю, Светке нравится.

– Слушай, Гарик, ты мне покажи эти точки, а я потом на жене попробую.

– Приводи жену.

– Жена тебе моя зачем? – настороженно посмотрел на Гарика шофер.

– А как я их искать буду, на тебе, что ли?

– Так эти точки, что, не на одном месте у всех?

– У жены твоей в одном месте, у тебя в другом, но это еще не все. Давить на них тоже по-разному надо. На одну точку сильнее, на другую – чуть-чуть. Ну, что решил? Жену приведешь ко мне?

– И она должна будет раздеться перед тобой?

– А как иначе. Через одежду я не умею.

– Губы раскатал, чтоб я жену перед ним раздел догола. Иди, Светку лечи. Может, женит тебя за это?

Муки ревности

Поездка с колдуном в Краснолиманск и встреча с бывшим преподавателем для Алисы закончилась громким скандалом. Владимиру позвонила из больницы женщина, которая сообщила, что Алиса Викторовна собирается остаться на ночь у своего старого любовника. Володя тут же вызвал такси и помчался спасти жену от подлого обольстителя.

Выяснять отношения они начали еще в машине, потом продолжили на кухне.

– Объясни, что с тобой происходит!? – орал Владимир. – На второй день твоей работы в этой больнице ты уже целовалась с санитаром. Объясняла это тем, что он тебе жизнь спас. Но санитару ты не понравилась, и он тебя бросил, нашел себе молодую, красивую медсестру. А ты, вместо того, чтобы подумать о семье, тут же летишь в Краснолиманск к своему старому любовнику. После санитаря тебя, что, на старичка потянуло? Ему уже за сорок, и это при молодом муже, от которого ты «умираешь в постели». А может, ты притворялась все эти годы и не любила меня?

– Володя, успокойся. Я хотела переночевать у своих родителей.

– У родителей?! – подскочил с кулаками к Алисе Владимир. – Почему ж я тебя нашел в больнице, в его кабинете, а не у постели больной мамы?!

– У меня дела были.

– Какие у тебя могут быть дела в Краснолиманской больнице с бывшим преподавателем мединститута?

– Я в Краснолиманск колдуна привезла. Надо было решить кое-какие вопросы.

– Что ты мне врешь! Какие вопросы. Этого колдуна должен был везти санитар и на эту поездку ты сама напросилась! Сама! Мало того, ты почему-то села не на врачебное место, а рядом с больным, выгнав из салона машины санитаря. Интересно, о чем ты с ним говорила в дороге и что тебя связывает с колдуном?

– Ничего меня с ним не связывает, – отмахнулась от подозрений в измене Алиса. – Я устала и хочу спать.

– Ах, ты устала, ты хочешь спать. Скажи мне, только правду, ты сегодня это и преподу своему сказала бы? Или эта отмазка только для законного мужа?

Владимир неожиданно схватил жену за волосы и поволок ее в спальню. Алиса отчаянно сопротивлялась, но Владимиру все же удалось дотащить ее до кровати. Он швырнул ее на спину и в истерике стал избивать жену.

– Говорила мне мама, что мы не пара, что ты будешь изменять мне потому, что до свадьбы таскалась с мужиками. Ты зачеты Старкову в постели сдавала и на свадьбу всех своих любовников притащила, чтоб они смеялись надо мной, потому что делали с тобой все, что хотели! Говорила мне мама, чтоб я непорочную девушку в жены брал, чтобы первый у нее был

и единственный. А я не послушался. Шлюху выбрал красивую, тварь неблагодарную из хорошей семьи!

В этот момент Алиса осознала, что ненавидит своего мужа.

«Ничего, я припомню ему эту ночь, – думала Алиса, сжимая зубы. – К Виктору Ивановичу приревновал. Не стала б я с ним спать, потому что Виктору Ивановичу женщина нужна только на одну ночь, потом от него ласкового слова не услышишь. А вот в любовь с ним можно играть годами. Пять лет я ему голову крутила в институте».

По правде сказать, мужчин у Алисы было немного. Причем большая часть ее бурных романов с однокурсниками закончилась после знакомства с молодым аспирантом.

Володя был настоящим интеллигентом, дарил цветы, водил Алису в театры, на концерты, и не форсировал отношений. Ему доставляло огромное удовольствие гулять по улицам города с красавицей невестой и ловить на себе завистливые взгляды мужчин. И только перед свадьбой он неожиданно при своей мамаше завел разговор о том, что хотел бы жениться на девушке, не познавшей мужских ласк.

Алиса хотела вначале обмануть его в постели, но потом решила поставить на место раз и навсегда обнаглевшего ботаника.

– Мне за свое прошлое не стыдно, а если ты ищешь для семейной жизни девственницу – фонарь тебе в руки. Свободен.

После этого разговора Владимир целую неделю ползал на коленях перед Алисой, вымаливая прощения за глупые слова. Эта неделя и стала началом конца их семейной жизни, вернее, раз и навсегда выстроила особые отношения в семье. Володя страстно любил Алису и не видел своей жизни без нее, она же великодушно позволяла себя любить.

– Володя, успокойся, я тебе не изменяла. Я люблю тебя. У нас сын...

– Сына вспомнила, а может, это не мой сын? Я же тебя накануне свадьбы с бывшим любовником застукал в кафе. Ты ж мне говорила, что давно порвала с ним. А тут захожу в кафе, а там моя Алиса вместе с этим ничтожеством кофе пьют!

– Я тебе сто раз говорила. С этим мальчиком я встречалась до тебя. А потом мы расстались навсегда. И в кафе я со Славиком встретила случайно.

– Да ты спала с ним, и с санитаром, и со Старковым, и со студентами-однокурсниками. Ты – шлюха! – Владимир уткнулся лицом в подушку и громко зарыдал.

«Какой ужас, у меня муж психопат-истерик! – неожиданно осознала Алиса. – Его лечить надо, а я дура с ним в любовь играла. Глаза закрывала, Гарика на его месте представляла, и он увидел меня настоящей страстной, желанной, любимой. Я же с ним никогда такой не была. Как все было просто в теории. Закрывает глаза и представляешь себя в объятиях любимого мужчины. Ну, кто догадается, что ты отдаешься не надоевшему мужу, а своим фантазиям? И вот результат. Доигралась! Теперь, я – шлюха! Он понял, что я ему опять изменяю. Как тогда в кафе. Накануне свадьбы я пришла к своему любимому мальчику, плакала у него на груди, просила

прощения и любила его, любила, любила! Плакала и любила! Мне нужно было тогда бросить все и уехать с ним навсегда. Но я не смогла, у меня же жених из хорошей семьи, кандидат наук. Перспективный, солидный, а то, что не любила я его – это мелочи».

Алиса вспомнила слова своей мамы:

– Я за твоего папу тоже без любви выходила замуж. Симпатичный, умный, из хорошей семьи, не пьет, не курит. А у меня такие красавцы до него были: артисты, поэты, художники. И ничего, живем без истерик и скандалов, дочь вырастили красавицу...

Минут через десять Володя перестал плакать и, посмотрев на Алису, продолжил свой нескончаемый монолог о женской чести, супружеской неверности и опасности, которые таят в себе случайные связи. Алиса его не слушала и даже сделала вид, что уже заснула. Но тут на Володю что-то нашло. Он сорвал с нее халат и попытался изнасиловать собственную жену.

– Тебе в постели настоящий мужик нужен, – орал он. – Сильный, смелый, наглый. Сейчас ты его увидишь. Я покажу тебе, на что я способен! Тебе понравится, потому что ты шлюха ненасытная!

Алиса вначале яростно сопротивлялась, а потом, закрыла глаза чтобы не видеть обезумевшего супруга. Он был ей противен!

Разбор полетов

Петр Петрович Иванов стоял по стойке «смирно» перед начальником горотдела КГБ Скалозубом.

– Докладывай, что с колдуном?

– Все под контролем. Его положили на обследование в первое отделение республиканской больницы. Думаю, что он там задержится надолго. Поставят диагноз, и все будет в порядке. Сумасшедший несет всякую чушь.

– Да мне плевать на этого колдуна с пожарной каланчи. Ты мне ответь, почему по городу слухи пошли о скандале в горкоме? До генерала дошло.

– Генералу кто-то из наших слил. Я – анализировал. В горкоме о скандале знали только участники. Посторонних там не было, – униженно забормотал Иванов.

– И кто ж тогда слил генералу информацию о том, что второй секретарь с заведующим отделом промышленности женами менялись по средам и четвергам.

– Не знаю, но я установлю.

– А что тут устанавливать! – взорвался Скалозуб. – Врачиха твоя генералу все и слила. Ты зачем колдуна к новенькой потащил? Лариса Ивановна сама бы все оформила, как надо.

– побыстрее хотел, думал, не откажет органам.

– И кто направление подписал?

– Лариса Ивановна подписала, а Алиса Викторовна сопровождала его лично в больницу.

– Не так все было. У меня там тоже есть свои люди. Алиса Викторовна сама напросилась на эту поездку. Целый час рядом с колдуном сидела в машине. Ты мне скажи, почему бабы к этим колдунам липнут? Жена секретаря горкома умная баба, и эта Алиса Викторовна из профессорской семьи, врач-психиатр. И туда же, исповедоваться перед этим ничтожеством! – возмутился Скалозуб.

– Да мошенник он. По городу бродит целый день, вынюхивает все, сплетни городские собирает, а потом рясу напялит, и выдает человеку то, что насобирал о нем. И заметьте, он только баб лечил от порчи и сглаза. Мужики к нему не ходили.

– Алиса Викторовна о чем с ним в машине говорила? – прервал подчиненного Скалозуб.

– Он по руке ей гадал. О любовниках ее говорил.

– И много у нее любовников?

– Пока об одном известно. Она со Старковым ночевать собиралась, но мы пресекли, на всякий случай. Да и Старков после скандала с мужем Алисы Викторовны станет сговорчивее. Какая-никакая аморалка. Так что с диагнозом колдуну у нас проблем не будет. А еще за ней санитар увивается, но ему там ничего не светит. Она ж не дура, чтоб до санитаря опуститься.

– Иванов, не нравится мне эта баба. Сделай так, чтобы она навсегда забыла об этом деле. Это ж дискредитация партийных органов.

– Сделаю. Тема одна назрела. Завтра и займусь.

«Голубые»

Утром Алиса Викторовна молча позавтракала, сделала новую прическу и, бросив мужу «Сегодня за мной не приходи», выскочила на улицу.

Ей было по-настоящему плохо. Она вдруг осознала, что живет с самым настоящим психопатом, который считает ее шлюхой. Уж чего-чего, но этих слов от мужа она не ожидала.

«Ну, ничего, я ему покажу „шлюху“. Он теперь все получит! Жаль, что мой любимый мальчик уехал в Сибирь! – думала Алиса. – Он бы меня понял, приласкал и полюбил нежно и ласково».

Недалеко от больницы неожиданно дорогу Алисе преградил молодой красивый мужчина в дорогом костюме. Он спросил, как пройти в библиотеку.

Алиса остановилась, оценивающе посмотрела на незнакомца и сказала с издевкой в голосе: «Вы можете произнести другие слова?».

– Мужчина тут же упал на колени и продекламировал по-актерски громко: «Я вас люблю!».

– Достаточно, – улыбнулась Алиса и деловой походкой направилась в сторону больницы. Когда она вошла в диспансер, парень, прочитав вывеску, нерешительно остановился, а потом развернулся и, втянув голову в плечи, ушел в сторону моря.

Алиса с интересом наблюдала за незнакомцем через окно своего кабинета. Мужчина ей понравился.

– Значит, у меня все еще все впереди, – тихо произнесла она.

Но впереди ее ожидало не романтическое свидание с таинственным незнакомцем, а поездка к художнику Старовойтову.

– Жалобу нам переслали из ЦК КПСС на Руслана Старовойтова, – протянула Алисе после окончания пятиминутки письмо с красным штампом Лариса Ивановна. – Сосед пишет, что Старовойтов поселил у себя в комнате непрописанного танцора из балета Каретникова Вячеслава.

– Днем и ночью они спят в одной кровати и занимаются половым развратом, – процитировала Лариса Ивановна письмо ветерана внутренних войск МВД.

– А мы тут при чем? – недовольно спросила Алиса Викторовна. – Пусть милиция разбирается, кто с кем спит.

– Руслан Старовойтов отсидел в тюрьме семь лет за мужеложство. В деле есть заключение судебно-психиатрической экспертизы. Диагноз: шизофрения, простая форма. На учете, как социально опасный. Карточка с двойной красной полосой. В анамнезе – нападение на персонал. Поедешь с Барским. Его забирать надо. Вопросы есть?

– Я не поеду с Барским.

– Почему?

– Я не поеду с этим клоуном, он после работы передо мной устраивал цирковые представления с медсестрой из хирургии, – взорвалась Алиса Викторовна.

– Ревнуешь пацана к молодой девке. Знал Гарька, чем тебя достать можно. Хороша сестричка: молодая, глупая и целуется с душой, аж дрожит от страсти. Завидуешь?

– У меня муж есть. Почему я должна кому-то завидовать?

– Значит, с мужем у тебя полное взаимопонимание. Тогда объясни, почему ты вчера захотела остаться в Краснолиманске? – вплотную подошла к Алисе главврач.

– Потому что рабочий день закончился, и я хотела родителей проведать.

– Мне-то не ври. Что тебе колдун наплел про Гарика?

– Я не буду обсуждать эту тему.

– Твое право. А мне Гарик тоже нравится. С шестнадцати лет мальчик у меня на глазах. Ждала, когда он настоящим мужиком станет, а тут ты нарисовалась.

– Так это ты звонила моему мужу?

– Нет. Твой Виктор Иванович для меня пройденный этап. Ухаживает он, конечно, красиво, но в постели не очень. Возраст. А Гарик молодой, сильный...

– погоди, ты что, на Гарика тоже глаз положила? – подозрительно посмотрела на главврача Алиса.

– Не могу ж я своего сотрудника отдать в неумелые руки хирургической медсестры. Гарика нужна опытная женщина-психиатр, красивая, умная.

– Ты надо мной издеваешься? – взорвалась Алиса.

– Ты же влюбилась в него по самые уши, и эта любовь тебя скоро до психушки доведет. Правду скажи, Гарик по ночам снится? – обняла за плечи Алису главврач.

– И что будет, если я скажу, что снится? На электросон отправишь или уколы от любви назначишь?

– Нет. Это не поможет. Работайте вместе, бог с вами. А Виктора Ивановича оставь в покое. Он старый для тебя. Езжай к Старовойтову.

– Лариса, скажи честно, почему ты меня с Гариком все время посылаешь к извращенцам и убийцам? Старовойтов живет на втором участке. Почему я должна оформлять его в боль-

ницу? О нем по «Свободе» говорят, по «голосам» разным. Он известный художник. Ты хочешь, чтоб и обо мне стали говорить на радио «Свобода»?

– Какой он художник, я не знаю, но в психбольницу Старовойтов попал после того, как его картины показали Хрущеву. А Хрущев всех участников выставки обозвал педерастами. Вот и загудел в тюрьму после выставки Старовойтов. ЦК же на особый контроль дело художников-абстракционистов поставил.

– Так Хрущева уже давно нет в Кремле.

– Хрущева нет, а ЦК КПСС остался.

– Хорошо. Есть жалоба на художника, но я какое отношение к Старовойтову имею? Это же не мой участок.

– Правильно, не твой, но Шполянскую я не могу послать к Старовойтову.

– Почему?

– Потому что Раиса Васильевна не найдет оснований для его помещения в психбольницу, а я не хочу нарываться на скандал. Есть партийная установка с самого верха: «голубых» – каленым железом! А тут еще ветеран МВД перевозбудился из-за того, что ему общей ванной пользоваться приходится с каким-то педерастом. Да и показательные поцелуи у дверей больницы пора прекращать. Мне это тоже не нравится.

– И каким образом их можно прекратить? – подошла вплотную к главврачу Алиса Викторовна. – Бросить мужа и повести Гарика в ЗАГС?

– Нет. Взять его за руки и поцеловать.

– Но для этого не обязательно ехать к «голубым», – возмутилась Алиса. – Я могу его поцеловать хоть сейчас в твоём кабинете, на твоих глазах.

– На голубом фоне Гарик смотрится лучше. Надеюсь, ты понимаешь, что это шутка. Письмо закрыть нужно сегодняшним числом. Шполянская дотянула до последнего.

– Лариса, как ты думаешь, а Гарик спал с этой медсестрой? – неожиданно спросила Алиса.

– Нет, мне рассказали девчонки из хирургии, что эта двадцатилетняя дура из себя девственницу изображает. Думает, что таким образом сможет захомотать неопытного в этих делах мальчишку.

– Она, что, и вправду девушка? – удивленно посмотрела на Ларису Ивановну Алиса.

– Девушка из хирургии!? Ты видела, какой кобеляж хирурги устроили при твоём появлении.

– Думаешь, врет медсестра?

– Там один Фридман чего стоит. Ни одной юбки мимо не пропустит. Кстати, он говорил, что научился восстанавливать девственность хирургическим путем, так что у Гарика есть шанс взять в жены никем не тронутую. Правда, после вчерашнего я уже гарантировать ничего не могу. Костя вчера Гарика на слободке высадил. И что он делал с этой сестрой милосердия ночью, не знаю.

– Я поговорю с ним на эту тему, – направляясь к двери, пообещала Алиса.

– Перед тем, как поехать к Старовойтову, Гарика пришли ко мне на инструктаж. И в санитарские дела больше не лезь. Твое дело в стороне стоять и наблюдать за этим «голубым» цирком.

Через пять минут в кабинете Ларисы Ивановны появился санитар.

– Явился, не запылелся, герой-любовник, – с издевкой в голосе произнесла главврач. – И как ночь провел? Понравилась медсестра? Все умеет или чему-то учил никем не тронутую!?

– Я дома ночевал.

– У тебя удостоверение дружинника с собой? – перешла на деловой тон Лариса Ивановна.

– В кармане.

– Покажи.

Гарик передал удостоверение главврачу.

– Командир оперативного комсомольского отряда, – прочитала вслух Лариса Ивановна.

– Задерживать правонарушителей имеешь право?

– Конечно. Наш отряд – добровольная народная дружина при угрозыске, – пояснил Гарик.

– А чего надо?

– Художника Старовойтова в больницу привезти.

– При чем здесь удостоверение? Он у нас на учете стоит? Только Шполянская его не положит. Напрасные хлопоты. Она всех «голубых» считает нормальными.

– С Алисой Викторовной поедешь.

– Это подстава, Лариса Ивановна. Шполянская ей художника не простит. Она сожрет молодую! – возмутился Гарик.

– Ты мне еще за поцелуи у ворот больницы ответишь. Представление устроил для одного зрителя, и туда же, советы дает. Направление Старовойтову оформит Алиса Викторовна.

Закроем на трое суток, а там решим. Людей наверху его любовник интересуется. Пора на учет ставить.

– Так их на горячем брать надо, – засомневался Гарик.

– Вот и бери прямо в постели. Короче, когда эти двое начнут, сосед взламывает дверь и первым войдет в комнату Старовойтова, следом за ним – возмущенная общественность. И только после них ты с удостоверением в руках. Громко, чтобы все слышали, объявишь, что ты дружинник, и удостоверение покажешь свидетелям.

– Лариса Ивановна, я не въехал. Зачем так понтовать? Я этих «голубых» и без удостоверения заламаю.

– Мне заламывать там никого не надо. Балерун – на учете не состоит. Надо сделать так, чтоб он на тебя, на дружинника, напал, сопротивление оказал, драку устроил. Короче, совершил противоправные действия в отношении народного дружинника в присутствии свидетелей. Теперь понял?

– Понял.

– Ну, и чего сидишь?

– А Алиса знает, что мы там будем делать с этими «голубыми»? Может, она в машине посидит, пока мы их заакируем.

– Нет. Пусть привыкает. Она сама себе работу выбрала. Мне вторая Шполянская в диспансере не нужна. Здесь ты или психиатр, или наш пациент. Третьего не дано. А тебя, если еще раз увижу с этой медсестрой у ворот больницы, выгоню с работы.

Гарик вышел во двор, сел на свое место в машине и стал наматывать на кисть левой руки вафельное полотенце.

– Кучерявый, а ты извиниться не хочешь? – повернулась к санитару Алиса.

– А за что извиняться, Алиса Викторовна? – прикинулся шлангом Гарик.

– За клоунаду твою у ворот больницы.

– Алиса Викторовна, какая клоунада? У нас все серьезно. Поцеловал – женись! Но сейчас меня больше мужики волнуют. Вот зайдём мы в комнату к Старовойтову, а у них любовь в разгаре со всякими извращениями. И что делать дальше будем? Вы такая красивая, вся в белом, а перед вами два голых мужика. Как вы потом мужу в глаза будете смотреть? Это ж полная аморалка. Да на этом фоне страстные поцелуи моей Светки у дверей дурдома – невинная шалость.

– Еще одно слово о моем муже, и я убью тебя!

– Все понял, Алиса Викторовна. Солдат святого не обидит. Я его в рамочку и на стенку, – замахал руками Гарик. – Но я не о нем беспокоюсь. Вы бы в машине посидели с Костей, его семейную жизнь гетеросексуальную обсудили, пока я с «голубыми» буду разбираться. А уж

когда мы с ними все вопросы решим, и все это безобразие штанами прикроем, зайдете вы вся в белом, с французскими запахами, которые с ума сводят настоящих мужчин даже в психовозке.

– Слушай, ты, настоящий мужчина, это тебе главврач на инструктаже сказала?

– Нет, что вы, инициатива снизу. Если что не так – безграмотный санитар во всем виноват. И заголовок на «Свободе» мою самооценку поднимет на небывалую высоту: «Санитар Барский из Казантипа избил голубых во время акта». Представляете, какими глазами после этой передачи на меня женщины будут смотреть!?! Борец за права женщин. В СССР мужиков и так не хватает на всех, а тут еще эти женоненавистники со своими оргиями.

– Клоун, рот закрой! – неожиданно взорвалась Алиса. – Я еду к Старовойтову разбираться с жалобой его соседа. Все остальное меня не интересует. Выявлять преступников должна милиция, а не мы. Ты меня понял, санитар!?

– Так и я о том же. Мы же с вами ангелы смерти в белых халатах. Кстати, Алиса Викторовна, прическа мне ваша нравится очень. Вы такая красивая и загадочная стали, что я прямо здесь готов стать перед вами на колени и попросить прощения за все свои прошедшие и будущие грехи. А на Костю внимания не обращайтесь. Он – женатик, пусть завидует.

– Алиса Викторовна, не обращайтесь внимания на этого балабола. Приехали. Старовойтов на третьем этаже живет. Только вы к нему близко не подходите, он просто бешеным становится при виде женщин. В прошлый раз его с милицией еле взяли.

– Потому что со Шполянской поехали, – подхватил тему Гарик. – Она защищать его стала, Ларисе звонила, на меня докладную написала.

– А ты был не виновен, потому что весь в белом, – поддела Гарика Алиса.

– Я так и не понял, в чем моя вина была. Постучал в дверь, а в комнате Старовойтов с каким-то мужиком. Я и слова сказать не успел, как он пощечину мне отвесил.

– И что потом было?

– Все по инструкции. Я ему хомут на шею в состоянии аффекта, а дружок Старовойтова кинулся отбивать больного, а тут еще Шполянская истерику закатила, чтобы я художника не душил, потому что он талант и светлая личность. Ну, и врезал я им обоим от души, чтоб руки не распускали.

– Я читала в карточке, что ты с ними сделал. Раиса Васильевна подробнейшим образом описала в амбулаторной карте, как санитар и два милиционера избивали художника и его гостя-скрипача.

– Так сами ж виноваты. Если я санитар, так мне с порога можно и в морду? Со мной такое не проходит.

– А с гостем что потом было. В карточке о нем ни слова?

– С гостем нормально все случилось, его хотели за мужеложство привлечь, а потом хулиганкой ограничились. Четыре года за мордобой с малявой о том, что он зашкареный. Короче, опустили его в СИЗО за немужское поведение.

– И ты этим гордишься?

– А я тут при чем? Мне сказали, я поехал. Его сама Шполянская отмазать не смогла, а она психиатр с двадцатилетним стажем. Жалобы во все инстанции посылала. Комиссия приезжала даже из Москвы. И все эти уважаемые люди признали меня правильным пацаном, который действовал в пределах необходимой обороны. А Шполянской выговор вкатили за клеветнические сигналы в ЦК КПСС. После этого она со мной не разговаривает.

– Все. Хватит болтать. Вначале пообщаемся с соседом.

Врач выскочила из машины и быстрым шагом направилась к дому, где жил Старовойтов.

Гарик бежал следом. В подъезде, прикрыв входную дверь, он попытался обнять врача, но Алиса оттолкнула санитаря от себя и быстро застучала каблучками по лестнице.

Дверь в коммуналку была открыта. У входа в квартиру их встречал коротконогий плотный мужчина. На вид ему было около пятидесяти.

– Проходите ко мне. У нас все готово.

В скромно обставленной комнате по стенам висели фотографии бравого старшины на фоне казармы и киевского СИЗО.

– Вы кем раньше работали? – посмотрев на фотографии, спросила Алиса Викторовна.

– В НКВД служил.

– Вертухаем в тюрьме, что ли? – уточнил Гарик.

– Я в расстрельной команде служил, сопляк, – зло посмотрел на Гарика хозяин комнаты.

– Гарик, рот закрой, – поддержала заявителя Алиса. И, повернувшись к мужчине, продолжила. – Мне передали вашу жалобу на Старовойтова. Из письма я так и не поняла, чем он вам не угодил? Он угрожал вам, совершал агрессивные действия?

– Мне – угрожать, – вдруг заржал мужчина. – Не вырос еще такой человек, кто бы меня запугать смог. Я эков приговоренных расстреливал.

– Я хочу уточнить. Ни вам, ни членам вашей семьи Старовойтов не угрожал и никакой агрессии не проявлял?

– Пусть попробует, да я его в порошок сотру!

– Понятно. А зачем же вы это письмо в ЦК написали? – продолжила разговор Алиса Викторовна.

– Так он же пидор, доктор. Я сообщил, куда следует. Мне предложили понаблюдать за ним и его связями.

– А как вы узнали, что он в одной кровати с посторонним мужчиной «занимается всякими извращениями»? – процитировала письмо врач.

– Так слышно все. Банку литровую к стене приложу, и каждое слово слышу, – мужчина приставил к стене банку и стал слушать.– Вот сейчас разговаривают и целуются. На кровать легли. А теперь, скрип пошел, как в раж войдут, будем брать.

– Но мы не можем вломиться в чужую квартиру без санкции прокурора, – попыталась остановить бдительного соседа Алиса Викторовна.

– Вы не можете, потому что при исполнении, – легко согласился мужчина. – А я могу проявить революционную бдительность, как советский гражданин и бывший сотрудник органов.

Отставной старшина вытащил из-под кровати топор и направился в коридор, где его поджидали соседки по коммуналке. Одним ударом топора он выбил накладной замок и с криком «Всем лежать!» ворвался в комнату художника, размахивая топором. Мужчины лежали на кровати абсолютно голыми. За минуту в комнату набилось с десятков женщин, которые с любопытством смотрели на голых мужиков и что-то возбужденно кричали.

Гарик, выполняя полученную инструкцию, пробился сквозь толпу к кровати и, размахивая удостоверением дружинника, заорал: «Вы оба задержаны за противоправные действия. Я – командир оперативного комсомольского отряда, дружинник. Встали! Оденьтесь! Оба!».

– Так это ты, сука, опять пришел! – заорал художник, бросаясь на санитар. – Да я тебя...

Но договорить он не успел. Гарик набросил на шею больного полотенце и стал душить Старовойтова. Через минуту художник захрипел, теряя сознание. Увидев эту картину, к нему на помощь ринулся длинноногий парень. Он нанес хлесткий удар ногой по лицу санитару. Удар был настолько сильный, что Гарик отлетел в дальний угол комнаты. Алиса с ужасом смотрела на происходящее и не знала, что делать. Но тут в дело вмешался отставной старшина.

С криком: «Бей пидоров!» он кинулся на танцора, а женщины навалились на голого художника. В это время пришел в себя санитар. Он подскочил к голому танцору и со всей силы ударил его кулаком по затылку. От этого удара мужчина громко охнул и мешком рухнул на пол. Вторым ударом Гарик вырубил Старовойтова.

– Молодец, салага! – удивленно посмотрел на санитар старшина. – Ты что, боксер? Это же нокаут.

– Старшина, я не боксер, я доминошник.

– Вышли все из комнаты! – неожиданно закричала Алиса. Она бросилась к танцору и стала ощупывать его голову. – Прости меня, Слава. Я не знала, я б не поехала сюда, прости. Одевайтесь. Быстрее.

– И ты с ними, Алиса. Ну, что я им сделал. Я никого не трогал. Я люблю его, понимаешь, люблю! А они нас преследуют, – Каретников плакал громко, вздохнул. Алиса помогла ему одеться.

Тем временем кто-то из соседей позвонил в милицию. Старовойтова и Каретникова, как особо опасных преступников, доставили в ИВС в наручниках.

– Кучерявый, тебе совесть мучать не будет? – после того, как они вернулись в больницу, спросила Алиса.

– А что я сделал не так? – удивленно посмотрел на врача Гарик.

– Ты человеку жизнь угробил. Он из тюрьмы не выйдет.

– Он не человек, он «голубой». Его лечить надо, как пассивного педераста, чтоб заразу эту по городу не разносил, – жестко произнес санитар. – Мы его на горячем взяли на ваших глазах. Не отвертится теперь.

– Гарик, а зачем ты его по затылку бил? Это ж запрещенный удар. По затылку даже боксеры не бьют.

– А каратисты бьют. Я имел право. Крайняя необходимость. Он сам виноват. А вы откуда знаете этого Каретникова? – подозрительно посмотрел на Алису Гарик.

– Я с ним с четырех лет танцевала. Потом он институт культуры закончил, балетной студией руководил. У него дети на всесоюзных конкурсах побеждали. Его подставили.

– Алиса Викторовна, его ж с поличным взяли. При свидетелях. Голым. Его же Старовойтов...

– Рот закрыл! – подлетела к Гарику Алиса. – В жизни всякое может случиться. Вот ты сейчас душевнобольных ловишь, бьешь невинных, судишь их, а завтра тебя самого в психушку сдадут. И что делать будешь?

– Меня не сдадут. У меня нервы из железа, – самодовольно улыбнулся Гарик. – Я каратэ занимаюсь.

– От сумы и тюрьмы не зарекайся.

– Хотите, я вас приемам научу, – неожиданно сменил тему Гарик.

– И когда у вас тренировки?

– Сегодня в восемь.

– А в чем занимаетесь?

– Кто в чем, а под вашу фигуру есть настоящее кимоно из Японии. Муха не сидела. Правда, тренер говорит, что оно для дзю-до, но смотрится неплохо.

– Если есть кимоно, поехали, чего ждешь, – приказала Алиса.

– Только учтите, у нас тренер кореец. На разминке гоняет всех, как проклятых. Если дышалки не хватит, переходите на шаг, но не останавливайтесь. Стоять нельзя. На кулаках отжиматься заставит.

– И где ваш спортзал?

– На Некрасова. Нас Костя подбросит.

Тренировка

Через полчаса Алиса вслед за Гариком спустилась в подвал. По всему залу висели боксерские груши и плакаты, рассказывающие о преимуществе боевого самбо над другими видами единоборств. Центр зала занимал борцовский ковер.

– Этот подвал нашему комсомольскому оперативному отряду отдали. Тут у нас и штаб, и спортзал. Только болтать о том, что мы каратэ занимаемся, не советую. Официально – это секция боевого самбо. А вот и тренер наш, Виктор Ли. Знакомьтесь.

Алиса с интересом посмотрела на молодого мужчину с раскосыми глазами.

– Новенькую привел. Она врач. Хочет попробовать, – сообщил тренеру Гарик.

– Переодевайтесь! – указал на женскую раздевалку тренер.

Гарик передал Алисе упакованное в специальный пакет кимоно.

– Красоту ничем не испортишь, – увидев через несколько минут Алису в кимоно, зааплодировал Гарик. Он смотрел на женщину влюбленными глазами. – Алиса, как бы я хотел побывать на месте твоего мужа. Я б тебя на руках носил и кофе подавал в постель каждое утро.

– Я с тобой коров не пасла, так что обращайся ко мне «на вы». И мужем моим ты никогда не будешь, – осадил Гарика Алиса. – Но для живой макивары сгодишься.

– Какие вы слова японские знаете, Алиса Викторовна, – улыбнулся Гарик. – От ваших рук я даже нокаут приму с радостью.

– И не заплачешь? – пристально посмотрев на Гарика, спросила Алиса.

– Нет. Все стерплю.

– Ловлю тебя на слове, кучерявый. Бить буду долго и больно.

Потом началась разминка, в которой участвовали десять человек из комсомольского оперативного отряда. Алису и девчонок-студенток тренер поставил в первый ряд. Они бегали по кругу с поочередно вытянутыми вперед ногами, боком, спиной вперед, на корточках, подпрыгивая вверх, отжимались на кулаках.

– А теперь, растяжка, – командовал тренер. – Сели на шпагат все. Ноги потянули.

Алиса легко выполнила упражнение.

– Вот, это растяжка, – удивился тренер. – Вы занимались каратэ?

– Нет. Я первый раз на тренировке, – улыбнулась Алиса.

Потом тренер учил спортсменов блокировать удары противников, группироваться и правильно падать.

По окончании тренировки, когда тренер и спортсмены покинули спортзал, Алиса подошла к Гарику и попросила показать ей удар, которым он вырубил Старовойтова и его друга.

– Ничего сложного в нем нет. Боксеры становятся друг против друга и бьют в челюсть или в голову. Я же бью противника по затылку или по теменной части головы. При этом кулак летит по кругу. Хитрость в том, что нормальные люди так не бьют и подобного удара не ожидают.

Гарик нанес несколько сильных ударов по боксерской груше.

– А ты знаешь, что этот удар может привести к весьма печальным последствиям? Ты о посттравматической эпилепсии слышал? – подошла вплотную к Гарику Алиса.

– Не только слышал, но и видел, – кивнул головой санитар.

– А теперь ответь мне, пожалуйста. Если ты знал, что этот удар может привести к серьезным травмам, зачем ты бил по затылку Славку Каретникова? Он же и так обречен.

– Чтоб не наглел. Он меня первый ногой по лицу ударил.

– Я так понимаю, ты не виновен, потому что это был адекватный ответ танцору?

– В самую точку попала, – улыбнулся Гарик.

– Тогда защищайся, – предупредила Алиса.

Гарик, продолжая улыбаться, отошел на пару метров от врача и тут же получил сильнейший удар ногой по лицу. Удар был настолько сильный, что Гарик отлетел на пару метров от Алисы.

– Это тебе за Славку Каретникова, – крикнула Алиса.

Встав на корточки, Гарик тяжело мотнул головой и стал подниматься на ноги. Но стать в стойку не успел. Алиса нанесла ему еще один удар ногой, на этот раз слева. После чего прыгнула на поверженного противника и отвесила ему две звонкие пощечины.

– А это за Светку и поцелуи у стен дурдома! И за вчерашнюю ночь! – закричала Алиса. – Я убью тебя, кучерявый! Убью!

Она стала кулаками лупить санитаря по голове и груди.

Гарик обхватил сидящую на нем женщину и попытался ее поцеловать, но она вывернулась и вскочила на ноги.

– Нет, кучерявый! Не будет у нас с тобой больше ни поцелуев, ни любви! Ты меня предал! Ты изменил мне. Променял меня красавицу на какую-то медсестру!

Но Гарик сдаваться не привык. Он сделал подсечку, повалил женщину на ковер и после недолгой борьбы поцеловал Алису в губы. После чего сорвал с нее куртку...

Домой Алиса пришла около двенадцати.

– Ты где была? – подскочил к Алисе муж.

– На работе.

– Врешь. Я звонил главврачу.

– Тогда у любовника, – с презрением посмотрела на мужа Алиса.

– Ты как со мной говоришь!? Я волновался!

– А ты вчерашний вечер вспомни! Пока не извинишься, спать будешь на диване! Ты меня понял?

– Алиса, дорогая, прости. Я больше не буду, – Владимир упал на колени, уткнулся лицом ей в юбку и заплакал.

– Маменькин сыночек, – с издевкой в голосе произнесла Алиса. – Будешь себя так вести, отберут твою любимую игрушку навсегда. А тебя, психопата, на помойку выбросят. Ужин разогрей. И «Мускат» достань из шкафа. Пить будем.

Владимир побежал на кухню, а Алиса отправилась в ванную комнату. У нее было прекрасное настроение. Сегодня она добилась всего, чего хотела.

Приняв душ, Алиса в коротком белоснежном халатике пришла на кухню. Сама наполнила вином бокалы.

– Этот тост я поднимаю за конченную шлюху, за твою жену! Пей до дна! До последней капли! Я сделала то, о чем ты просил вчера! И ко мне больше не подходи!

– Алиса, что ты несешь? Извини...

– Пей, я сказала, до дна! За грязную шлюху! И запомни, ты для меня пустое место, психопат и истерик. Отправляйся к своей маме и скажи, что она была права. Тебе в жены нужна была девственница, никем не тронутая! А я – шлюха неблагодарная! Шлюха!

С этого дня Алиса каждый вечер выезжала с Гариком к социально опасным больным, а после восьми приходила в спортзал. Час уходил на общую разминку и отработку приемов в группе, а потом они оставались вдвоем. Алиса нападала первой, Гарик защищался, но уследить за ее ногами успевал не всегда, потому что в балетной студии, где она занималась больше десяти лет, балерин учили не только танцам, но и приемам самообороны. Эти занятия начали проводить с ними после того, как двух девчонок из балетной школы изнасиловали местные отморозки. Хорошая растяжка и сильные ноги после этих тренировок давали возможность балеринам отбиться от любого насильника. И то, что это не шутки, Гарик испытывал теперь каждый вечер на себе. Алиса видела в своем партнере потенциального насильника и била его

жестко и резко. И только в конце тренировки она разбрасывала руки в стороны и закрывала глаза.

Потом они шли к морю, о чем-то говорили, спорили, смеялись и читали стихи. А однажды, когда Гарик в очередной раз предложил Алисе бросить все и уехать из этого города, она рассказала ему о предсказании колдуна.

– В машине он сказал, что не видит тебя рядом со мной. Он говорил, что мы не должны встречаться. Потому что мы живем на разных полюсах.

Лицо Алисы неожиданно стало бледным как полотно. Гарик не на шутку испугался. Он взял ее руки и стал растирать пальцы. Делал он это нежно и ласково. Они стояли на причале. Он наклонился к Алисе и поцеловал ее. У Алисы на глазах появились слезы, она плакала не стесняясь. Гарик губами ловил ее слезинки, и обещал... убить колдуна.

– Он хотел нас разлучить. Запугать тебя, сделать тебе больно. Не верь ему. У нас все будет хорошо. Тебе же хорошо со мной, ты же меня любишь. А с мужем я разберусь по-мужски, пусть только пикнет. У тебя есть теперь защитник, способный на все.

Бред ревности

Лариса Ивановна делала вид, что не замечает того, что происходит с Алисой и Гариком. Она никого не вызывала к себе на беседу. Повлиять на них она попыталась через больных, вернее, через трагедии, которые привели в психиатрическую больницу разных людей.

– Алиса Викторовна, вы сегодня работаете на выезде с Гариком, – передавая амбулаторные карточки врачу, сообщила Кравчук. – Лариса Ивановна попросила осмотреть этих больных. Она ждет проверяющих из прокуратуры.

Первой в списке оказалась старая шизофреничка Евтухова Маргарита Ивановна.

– Я ветеран МВД, – заявила с порога Маргарита Ивановна.

– А я ваш новый доктор, – широко улыбнулась Алиса. – Как ваше самочувствие. Есть ли жалобы на здоровье?

– Все плохо, доктор, – провела в комнату неожиданных гостей старуха. – Живу одна. Словом не с кем перекинуться. И все ревность моя, мужа поймать хотела на измене с молодой. Мне уже было за сорок. Я тогда работала в научно-техническом отделе горотдела милиции. Проводила экспертизу аудио- и видеозаписей. Техника тогда еще была военная, но, несмотря на это, отдел наш работал весьма интенсивно. Я даже видеокamеры в гостиничных номерах ставила. В основном мы снимали пьяные оргии высокопоставленных начальников и сотрудников правоохранительных органов.

– И какое отношение ваша работа имела к вашей болезни? – поторопила Евтухову Алиса, ей не хотелось выслушивать воспоминания соглядатая из МВД.

– Самое прямое, – заволновалась старуха. – Я же потом все эти записи не только просматривала, но и записывала на бумаге каждое слово, произнесенное в номере. Кроме этого, сразу же после выезда клиента из гостиницы приходили мы и проводили тщательнейший обыск помещения. Наша задача состояла в том, чтобы аудио- и видеозаписи подкрепить материальными уликами. Мы собирали заколки, зубочистки, платочки, извините, и даже презервативы для того, чтобы потом идентифицировать подозреваемого по остаткам спермы и другим выделениям сами знаете откуда. Так вот, однажды я нашла в гостинице заколку в виде змеи, покрытую серебром. Вещь редкая, не наша, сличила ее с видео. Хозяйкой заколки оказалась местная продавщица, которая в свободное от основной работы время соблазняла командировочных мужчин в баре «Три семерки». А недели через две я нашла в своей собственной постели точно такую же заколку. Отнесла ее в НТО, один к одному. Думаю, что за чертовщина, неужели эта проститутка ходит к моему мужу?

– И вы решили проверить, – ускорила рассказ ветерана МВД Алиса.

– Да. Но как это сделать? Можно было обратиться к своим коллегам из угрозыска, но тут проблема была в том, что там как раз и служили мои, как бы это поточнее сказать, – стала подбирать нужное слово старуха.

– Любовники, – подсказал ей Гарик. Он уже не первый раз слушал эту историю.

– Нет. Вы что, какие любовники. Любовников у меня не было, но были кавалеры.

– И чем отличались кавалеры от любовников? – поинтересовалась Алиса.

– Любовники – это когда долго, много лет, и чуть ли не вторая семья, а кавалеры – это когда по-быстрому, к примеру, в обеденный перерыв или за совместным просмотром видеокompromата с оперативником. Девочки из НТО должны были сидеть рядом, чтобы неопытный в технических вопросах оперативник чего-нибудь там не стер.

– И много у вас таких кавалеров было? – задал свой вопрос Гарик.

– Боже упаси. У меня немного было. Если считать таких, которые часто ко мне заходили, человек десять, а если сюда приплюсовать и тех, у кого жена головной болью страдала или была неактивной в постели, то тогда три десятка наберется. Это я вам от чистого сердца, без вранья. От кого теперь скрывать. Мы даже трусики, когда в обеденный перерыв закрывались – заранее снимали, чтоб время не терять. Надо ж было еще успеть и пообедать. Но я не о том сейчас говорю. Я ж вам про заколку начала, а вы меня сбили на другую тему. Короче, решила я проверить своего мужа-изменника и установила видеокамеру у себя в спальне, чтобы поймать его с поличным. А он, гад, обнаружил камеру, и чтобы спасти свое реноме, пошел на самую настоящую подлость. Он подговорил эту проститутку-продавщицу вместо себя сына нашего соблазнить. Рассказал, что жена заколку ее нашла, скандалит дома. А сыну тогда уже 16 лет было.

Короче, купил он ей билет в кино на последний ряд, а второй сыну вручил. В общем, она моего сына своими шаловливыми руками до такого довела, что они в кино целоваться стали. А потом сын и предложил этой продавщице, пока предков нет, к нему в гости зайти, музыку послушать. В то время, если шуры-муры хотели сделать, музыку звали послушать. Ну, сын мой ее на кухне посадил, вином хотел угостить. Но ей то вино не надо. Ей же кое-что другое нужно. Она завела его в нашу спальню и там такое с моим сыночком устроила, что это ни в кино показать, ни в сказке сказать. Восемь раз за рабочий день. Вот что она сделала и после всего этого заколку свою со змеей оставила.

Я пришла домой, проверила запись и мужа позвала посмотреть на это безобразие. Я ж вначале не знала, что муж мой эту провокацию сам устроил. Хотела с сыном поговорить, а муж говорит, что это непедагогично, и тогда в качестве компромисса я потребовала от мужа то же самое ночью повторить. Но мужу куда там до сына. Он на третий раз уже за сердце стал хвататься. А мне интересно проверить, почему так получается. Утром я мужу сказала, что заболела, а сама сына в спальню привела и кино ему это показала, и так разозлилась на него, что потребовала повторить то же самое со мной.

Он сначала отказывался, и тогда я сказала, что этой проституткой опозорю его в школе. Так он со мной на один раз даже больше смог сделать. Вечером пришел муж, узнал, что я вытворяла с сыном, и отправил меня в психушку, а на следующий день мужа паралич разбил, и сына посадили через полгода за изнасилование учительницы на сельхозработках.

И что обидно, я до сих пор на учете у вас стою как особо опасная старуха, а вот та лярва, из-за которой все это случилось, за мной собесом закреплена. Она еду мне покупает, в квартире убирает, как у одинокого инвалида. И что очень важно, эта проститутка-продавщица, которая

семью мою уничтожила, – честная труженица, а я дура, шизофреничка с красной полосой. Скажите, а вы можете меня с учета снять?

– Могу, – улыбнулась Алиса. – Вы уже мужчинам не опасны. Я вас по возрасту сниму с учета. Спокойной ночи.

– И что скажешь? – спросил Гарик, когда они вышли из квартиры больной. – У нее было тридцать любовников, а как узнала, что у мужа завелась одна единственная, устроила ему черную пятницу.

– Это как раз нормально, – улыбнулась Алиса. – У женщины была потребность в кавалерах. И потом, она же все по-быстрому делала, чтобы успеть пообедать. Так что это не измена, а благотворительная помощь коллегам по работе. Она просто помогала мужчинам, жены которых страдали ночной головной болью.

– И какой бы ты ей диагноз поставила, если б она рассказала психиатру о своих кавалерах?

– Никакого. Просто женщины из НТО таким образом пытались разнообразить свою жизнь.

– Но в финале-то ей поставили шизофрению! Значит, она была шизофреничкой от рождения, – остановился на лестничной площадке Гарик.

– Спорная теория. В СССР все, что было до первого осмотра больного психиатром, считается нормой. Но в данный момент меня твоя Лариса бесит. Зачем она такие вызова нам дает, унизить хочет или на тебя, никем не тронутого, покушается?

– Не бери дурное в голову, – махнул рукой Гарик. – Если я анамнез каждого больного начну на себя примерять, то мне цвет халата менять придется. У тебя же не было тридцати кавалеров?

– Нет, – прижалась к Гарику Алиса. – Кавалер у меня один, и он всегда рядом.

– Тогда пошли погуляем. Не хочу я больше этот дебилизм слушать. Я целовать тебя хочу.

– Много хочешь, ничего не получишь. Работа прежде всего. Так что поцелуи и тренировки отменяются. Тем более, что сегодня мой муженёк собирался лично посетить Ларису Ивановну.

– И что он от тебя хочет? – напрягся Гарик.

– Чтобы я стала порядочной женщиной и пустила своего законного мужа к себе в кровать.

– И что ты решила?

– Да вот, думаю, может, отдать его Ларисе, пусть лечит Володю от ревности народными средствами.

– Она вылечит. Смотри, уведет мужика, и что тогда делать будешь? – спросил Гарик.

– С кавалером жить стану. Я же женщина, мне без мужчины никак.

– Так, может, прямо сегодня и переедешь ко мне? – прижал к себе Алису Гарик.

– Нет. Володя к столь решительным переменам еще не созрел, да и в мужья я тебя брать не собираюсь. Какой из тебя муж в восемнадцать лет? Максимум, на что ты годишься, мальчик для битья в спортзале. Ты еще до настоящего кавалера не дорос, который по-быстрому, в обеденный перерыв.

Брудершафт на крыше

До полуночи они целовались на пустом пирсе. Гарик звал Алису к себе, но она боялась переступить последнюю черту. Она целовала его, ласкала, шептала слова любви, она сходила с ума от его сильных рук и страстных поцелуев, но пойти к нему так и не смогла.

– Я боюсь тебя, я не смогу потом уйти, но жить вместе в этом городе мы не сможем. У меня сын, муж. Он сойдет с ума, если я уйду, а тебе скоро в армию, и что я буду делать одна в этом городе.

Домой Алиса пришла в час ночи.

– Где ты была? – закричал Владимир, услышав звук открываемой двери.

– На работе.

– Мне сказали, что вы отпустили Костю в десять вечера, – Владимир метался по квартире, как раненый зверь.

– Сказали, и что, – спокойно произнесла Алиса, отправляясь в ванную. – Мог бы и ужин разогреть.

– В час ночи?

– А что тебя смущает, я хочу кушать, – у Алисы было хорошее настроение, и она не хотела втягиваться в очередной скандал.

Владимир разогрел котлету и жареную картошку.

– Пока ты с ним гуляла, картошка потеряла товарный вид.

– А ты не хочешь даму угостить вином? – тихо спросила Алиса.

Владимир поставил на стол бокалы и наполнил их «Крымским мускатом».

– Предлагаю выпить на брудершафт.

– Со мной на брудершафт, – удивился супруг. – Последний раз мы с тобой пили на брудершафт три года назад.

«Какой же он нудный, – подумала Алиса, – все считает, все запоминает. Он помнит даже, сколько раз я пересдавала зачеты».

– Предлагаю выпить за светлое будущее, – произнесла тост Алиса. Потом она поставила на стол бокал и поцеловала мужа в губы.

– Что с тобой происходит. Ты гуляешь с ним до часа ночи, а потом пьешь со мной на брудершафт.

– И не только пью, – потянулась Алиса. Тонкий поясок халата неожиданно развязался, и Владимир увидел ее прекрасное тело. – Пошли спать. Только я хочу долго. Сможешь? Ложись со мной. Нет – твой диван. Докажи, что ты лучше Гарика и всех остальных, и мы будем жить вместе, как раньше.

Но долго у Владимира в эту ночь не получилось, его отвлекали мысли об измене, перед глазами все время маячил санитар, страстно целующийся с медсестрой из хирургии.

Минут через десять Владимир окончательно выдохся и лег на спину.

– Что-то не вижу рядом мужчину. После свадьбы ты мне всю ночь спать не давал, а сейчас... Может, тебя к врачу отвести, лекарство выписать? – она прекрасно знала, что добивает его этими словами, но продолжала холодно и бесстрастно. – Мне надоело прикидываться, что ты меня удовлетворяешь в постели. Я хочу, чтобы ты был таким, как после свадьбы. Я хочу много, я хочу долго, я хочу страстной любви от тебя. И пока этого не будет, не смей на меня кричать и обвинять в измене. Я не изменяю тебе. Вот, я рядом, молодая красивая, страстная. Бери меня, сделай счастливой прямо сейчас. Не завтра, не через месяц, а в эту минуту. Я хочу тебя, хочу, как мужчину. Делай, хоть что-нибудь. Стань мужчиной, наконец-то!

Владимир попытался обнять жену, приласкать, но у него опять ничего не получилось.

– А теперь, слушай меня, проблемы не во мне. Я красивая, желанная, страстная. Я готова любить тебя всю ночь, но ты ж ничего не можешь. Ты способен только обзывать мать своего ребенка шлюхой! А я не могу по утрам постоянно вставать с постели с головной болью. Я женщина, я хочу любви. Настоящей любви, такой, какой она была в день свадьбы. А теперь лежи и думай, что ты должен делать для того, чтобы мы были счастливы. И не прикасайся ко мне, пока ты не сможешь сделать меня по-настоящему счастливой в постели. А для этого пяти минут будет мало. Я хочу долго и всю ночь!

Алиса понимала, что эти слова окончательно добьют Владимира, и никакое лечение ему уже не поможет. Никакие таблетки, мази и уколы. Она сознательно сделала то, что ни одна женщина не должна делать с мужчиной.

После этих слов Владимир молча перебрался на диван, а Алиса всю ночь во сне целовалась со своим любимым мальчиком на пустынном пирсе, на пляже, в машине.

Утром Алиса сделала вид, что ничего не произошло. Она приготовила завтрак на двоих, прибрала на кухне, надела свое самое нарядное платье, накрасилась и в половину восьмого пошла на работу по той самой набережной, где она так страстно целовалась со своим любимым мужчиной.

Проходя мимо причала, она остановилась и, оглянувшись по сторонам, побежала вверх по лестнице, села на самый краешек деревянного настила. Внизу огромные волны разбивались на мельчайшие седые брызги. Здесь они вчера целовались под рокот волн. Где-то далеко за морем сквозь утренний туман неожиданно появились первые лучи солнца.

«Надо было уйти к Гарика навсегда, и тогда не пришлось бы добивать Владимира, – подумала Алиса. – Я убила собственного мужа. После вчерашнего разговора он уже не сможет

быть мужчиной. Во всяком случае, со мной у него теперь ничего не получится ни сегодня, ни завтра, никогда. Кто бы знал, как я хочу этого мальчишку!».

Алиса закрыла глаза и вновь пережила свои самые счастливые минуты.

Неожиданно за ее спиной кто-то кашлянул и неуверенно спросил: «Женщина, вам плохо?».

Алиса вскочила на ноги. Перед ней стоял рыбак в грубом плаще с удочками в руках.

– Что вы, мне хорошо! Мне очень хорошо! – счастливо рассмеялась Алиса. – Удачи вам! Сегодня будет самый удачный день в вашей жизни.

Мужчина удивленно смотрел на Алису широко открытыми глазами.

– С утра на причале такая красавица! – пробормотал рыбак.

Но Алиса его не слышала, она как школьница бежала по причалу, размахивая своей сумкой и широко улыбалась. В это утро она была по-настоящему счастлива.

И только возле больницы она вдруг осознала, что ее счастье в том, что она уничтожила собственного мужа.

«Зато теперь он не будет приставать и мотать мне нервы своими подозрениями, ревностью и скандалами. Пусть лечится. Он мне надоел своим занудством и постоянным нытьем. Ему нужна была красивая жена, но что он сделал для того, чтобы стать достойным такой жены? Он согласился на роль неразумного сына при строгой мамочке сразу же после свадьбы, но я не мать Тереза. Я хочу, чтобы меня обнимал настоящий мужчина, сильный смелый, решительный, чтоб от его рук по телу пробивала дрожь!».

– Где вы ходите, Алиса Викторовна, – увидев врача, закричала из регистратуры медсестра Кравчук. – Тут страшное ЧП. Весь город на ушах.

– Я переоденусь, потом расскажете, – резко осадил женщину Алиса. На работу она опоздала на десять минут. Надев халат и поправив волосы перед зеркалом, Алиса приоткрыла дверь.

– Входите.

– Тут такое ЧП. Телефон уже раскалился от звонков. Полуголый мужик бежит по крыше дома и грозит покончить жизнь самоубийством.

– Звоните Ларисе Ивановне.

– Я звонила. Она трубку не берет. Лариса спит, – и, понизив голос до шепота, продолжила. – У нее ночь свиданий с мужчиной.

– Нехорошо сплетничать, – недовольно произнесла Алиса.

- У Ларисы в конце месяца всегда так, ну, перед этими днями.
 - Кравчук, я не хочу слушать всякие гадости с утра, – повысила голос Алиса.
 - Я позвонила директору медучилища, чтобы они отпустили с занятий Гарика.
 - При чем тут Гарик, – неожиданно взорвалась Алиса. – Это дело милиции. И кто вам разрешил звонить директору училища. У него сегодня зачет по глазным болезням.
 - Так там уже председатель горисполкома и секретарь горкома партии. Они требуют психиатра.
 - Позвоните на «скорую», пусть заедут за мной.
 - А вот и Гарик, – обрадовалась медсестра. – Вы без него ничего не сделаете.
 - Я тебя не просила никого вызывать.
 - Что случилось? – радостно улыбаясь, спросил санитар. – Директор училища сказал, что вам нужен человек, способный на все.
 - Нам никто не нужен. Иди, сдавай зачет. Тебя вызвали по ошибке, – недовольно проговорила Алиса.
 - Как по ошибке, а кто психа с девятого этажа снимать будет?
 - Этим занимается милиция. Свободен. А вы, – Алиса повернулась к медсестре, – идите и ищите главврача. Без нее никто никуда не поедет.
 - Алиса, ты что делаешь, там каждая минута на вес золота. Мужик погибнуть может. Он же бегаёт по крыше девятиэтажного дома, – подскочил Гарик к врачу.
 - Ты кто такой?! Альпинист, скалолаз? Пусть этим человеком милиция занимается. А ты иди, сдавай зачет.
 - Ты боишься за меня! – схватил за плечи Алису Гарик. – Значит, ты меня любишь.
- Гарик попытался поцеловать врача.
- Я сама поеду и посмотрю, что там происходит, – попыталась вырваться из его рук Алиса. В этот момент широко распахнулась дверь и на пороге в очередной раз появилась Кравчук. Увидев целующихся, она укоризненно покачала головой и громко объявила:
 - Только что звонил заведующий горздравом, Ларису искал, сказал, что к этому дому первый секретарь горкома подъехал. Требуется немедленно послать туда бригаду из психбольницы.
 - Фамилия больного, – оттолкнув от себя санитаря, спросила Алиса.

– Самборский.

– Он состоит у нас на учете?

– Нет.

– Завгорздравом требует не только врача. Он приказал, чтобы приехали сотрудники психбольницы.

– Успокойся, я поеду вместе с Алисой Викторовной. Машина где?

– Уже у ворот. Счастливого полета, – недовольно буркнула Кравчук.

– Не бойсь, все будет тип-топ, – весело закричал Гарик. – Где мой халат?

– Ты шапочку не забудь, а то на выговор нарвешься, – напомнила медсестра.

– Белая шапочка на голове спасает голову от дурных мыслей, главное, чтобы не было потом на ногах белых тапочек, – пошутил Гарик. Он хотел выйти из кабинета, но его остановила Алиса.

– Ты чему радуешься, ненормальный. Больной на крыше девятиэтажного дома. Один неверный шаг, и все. Ты хоть понимаешь, что это опасно?

– Нет, моя любимая девочка, – Гарик обнял Алису и страстно поцеловал ее на глазах медсестры. Алиса не вырывалась. Она обняла его и крепко прижала к себе.

– И как тебя муж встретил? – спросил Гарик, когда они вышли из диспансера.

– Нервно, но я нашла способ, чтобы он до конца жизни ко мне больше не приставал.

– И что это за способ? Поделись.

– Ты еще маленький. Подрастешь, расскажу, – рассмеялась Алиса. – Я тоже умею мстить!

– Ты что, на него порчу навела? Тебя этому колдун научил?

– Можешь называть это порчей, и учти, если ты еще раз меня поцелуешь на работе, я сделаю то же самое и с тобой.

– Я согласен на то же самое десять раз в день без передышки.

– Это не то, о чем ты подумал. Садись в машину. А где твоё полотенце?

– Там все городское начальство понаехало, а я за психом буду бегать с полотенцем в руках по крыше. Меня завтра же за эту беготню выгонят с работы.

– И что ты собираешься делать?

– Целоваться с тобой.

– Только не здесь. Мы еще в «скорой» не целовались. И не надо корчить из себя героя, я тебя люблю таким, какой ты есть. Ты меня понял? Этот алкоголик мизинца твоего не стоит. Прощу тебя, умоляю – не рискуй. Ты не альпинист, не спасатель.

– Да я знаю, кто я. Я санитар психиатрической больницы с окладом в 37 рублей в месяц.

– Вот, это и запомни: с окладом 37 рублей. А милиционеры получают в десять раз больше, потому пусть и рискуют.

– Алиса, ну кто на этого дурака полезет, кроме меня. Ты поглупела от любви. Это же моя работа, и никто ее за меня не сделает.

– Я не хочу, чтобы ты рисковал своей жизнью из-за конченого алкаша. Ты меня понял? Поклянись!

– Именем отца и сына клянусь любить тебя всегда и везде крепко-крепко, – рассмеялся Гарик. Он схватил Алису за плечи и поцеловал ее, не обращая внимания на водителя «скорой».

– Сумасшедший! Я тебя убью! Я же просила. Что теперь о нас водитель подумает? – возмутилась Алиса, но чувствовалась, что ей самой это все безумно нравилось.

Возле дома собралось человек пятьдесят зевак.

– Хлеба и зрелищ! Они ждут последний прыжок, свободный полет и... – прокомментировал Гарик. – А вон и начальники. И чего они понаехали сюда? Руководить полетом или спасти никчёмного алкаша?

– Это исполкомовский дом, – пояснил участковый. – Тут все городское начальство живет, вот и понаехали сюда все, кому не лень.

– С начальством понятно, ты про алкаша расскажи, – обратился к милиционеру Гарик.

– Алкаш не из этого дома. Его фамилия Самборский, он не с моего участка. Мы уже три часа его гоняем по крыше.

– Одобряю. Правильный подход. Внесите в анналы.

– Чего? – недовольно посмотрел на Гарика милиционер.

– Я хотел спросить вас, уважаемый сэр, нет ли тут человека, который бы знал не только его фамилию, но и имя, отчество и школьную кличку.

– Есть такой человек, есть, – неожиданно подколот санитар милиционер. – Его бабу только что привезли. Она с первым секретарем горкома сейчас беседует. Но ты туда не лезь. Сергей Сергеевич не в духе. Пусть к нему ваша главврач идет, он с санитаром говорить не станет и я тебя за оцепление не пушу.

– Ну, мы тогда поехали, пусть главного врача ждут. Алиса Викторовна, не рви сердце, пошли. У нас теперь классная отмазка, милиция за оцепления не пустила.

– Подожди, как пошли, – возмутился участковый. – Пусть доктор идет, а ты здесь стой. В зоне ЧП к первому еще санитары не подходили.

– Пропустите его, – неожиданно взорвалась Алиса. – Мы не к секретарю на прием идем. Нам с женой больного поговорить надо.

– Так что, капитан, мы идем или будем и дальше языки чесать о забор?

– Под вашу личную ответственность, доктор. Я его к первому не пускал, чтобы потом разговоров не было.

– Капитан, не рви сердце. Разговоры будут, и оргвыводы, и политическая оценка, и выговор с занесением. Все тебе будет, потому что не уследил и потревожил начальственный сон.

Алиса дождалась, когда от первого секретаря отведут женщину, подошла к ней и стала задавать вопросы.

– Я врач-психиатр, Самборский кем вам приходится?

– Муж он мне. Он спокойный всегда, ласковый, муху не обидит. В него стрелять нельзя, – зачастила женщина. – Мне и первый секретарь сказал, что его убивать не будут.

– Да никто не собирается убивать вашего мужа, – возмутилась Алиса. – Мы его в больницу положим на лечение.

– Правильно. Его лечить надо. Он неделю пил, не просыхая, а сегодня утром вскочил и мышей стал ловить по стенам, а потом Карла Маркса порвал.

– Какого Карла Маркса? – уточнила Алиса.

– У нас на стене календарь висел с Карлом Марксом. Толя сказал, что он в бороде крысу прячет, а потом от милиции стал бегать.

– К вам, что милиция приезжала?

– Нет. Он от милиции стал бегать после того, как крысы в милиционеров превратились. Потом он выскочил из дома, и я его больше не видела.

– С крысами понятно, а какая кличка у него была? – вмешался в разговор Гарик.

– Не было клички, – испугалась женщина. – Он тихий, безобидный. Это у него болезнь.

– А в школе кличка у него была?

– Не было клички. Никогда не было, – занервничала женщина. – Его Толя зовут.

– И в тюрьме он не сидел?

– Нет. Вы что? Он очень хороший, ласковый. Только прошу, вы в него не стреляйте. Он добрый. А это болезнь. Он добрый.

Гарик подхватил Алису под руку и вывел за ограждение.

– Ты что к ней с кличкой пристал. Видишь, женщина не в себе? – возмутилась Алиса.

– Скрывает она что-то, – махнул рукой Гарик. – Ладно, черт с ней.

Гарик подошел к капитану.

– Ну, ты заценил, служивый, я к твоему первому секретарю с уважением на одном гектаре даже не сел. Короче, выпить хошь?

– Ты чего несешь тут.

– Нести будешь ты, а не я, потому что до часа Волка еще полтора часа. Короче, мухой в магазин, берешь бутылку «Московской» и четыре соленых огурца и мы тут с тобой для храбрости по рюмашке, а потом в бой.

– Ты что мне, офицеру, предлагаешь? Какая водка? Какие огурцы? – возмутился капитан. – Тут все городское начальство собралось.

– Повторяю для тупых еще раз. Водка должна быть «Московская», а огурцы соленые бочковые. Мухой.

– Это ты меня, капитана милиции, посылаешь за водкой в такой ответственный момент?

– А кого мне посылать? Мне до одиннадцати не дадут, а ты при погонах, да и после одиннадцати там хрен пробьешься.

– Гарик, ты хочешь его напоить водкой? – уточнила Алиса.

– А что мне делать, бегать за ним по крыше. Там уже три часа четыре дурака друг за другом бегают. От чего заболел, пусть тем и лечится, – пояснил Гарик.

– Товарищ капитан. Он правильно говорит. При алкогольном психозе можно стаканом водки снять галлюцинации на время, – пояснила Алиса.

– Доктор, и часто вы алкашей водкой лечите?

– Я сама не лечила, но в литературе читала.

– Короче, капитан, либо ты сейчас мухой летишь за водкой, либо я тебя посылаю на... Нет, к первому секретарю за инструктажем.

– Я пойду доложу начальству, – кивнул головой капитан.

– Гарик, а ты не можешь нормально с людьми говорить, чтоб тебя поняли. Я и то сразу ничего не поняла, – незаметно ущипнула Гарика Алиса.

– Ты не меня щипай, ты на этих звезданутых в погонах посмотри. Они вдвоем пошли к первому секретарю согласовывать вопрос о покупке бутылки водки. Ты смотри, какая оживленная дискуссия идет. Председателя горисполкома подключили к решению вопроса, во, и второй секретарь вставил свои пять копеек, еще и наш комсомольский бог что-то им говорит. Серьезные люди. Было б одиннадцать, я б и без них все купил.

– Значит, так, первый советует добавить в водку клофелин, чтобы наверняка, – сообщил санитару результаты мозгового штурма капитан милиции.

– Во придурки. Вот клофелином пойдешь его сам поить. Я не проститутка вокзальная. Я при исполнении тут. Надругаешься над водкой, сам полезешь на крышу. Я водку с клофелином не пью.

– А ты тут при чем?

– Так на халяву же, с утра, подарок от органов, под соленый огурец. Милое дело.

– У больного бред преследования. Он водку один пить не будет. Он проверять ее начнет на том, кто угощает. Поэтому туда добавлять ничего не надо. Водка сама снимает на время галлюцинации. Это научный факт, – терпеливо пояснила Алиса Викторовна.

– Но первый же сказал, – засомневался капитан. – Вдруг не возьмет. Вы не могли б ему сами об этом сказать.

– Ну, ты и нудный, капитан, лучше б я к окулистам пошел зачет сдавать, – заорал Гарик. – За водкой беги, пока этот козел с крыши не спрыгнул.

– Стой здесь. Я сейчас, – проговорил капитан, направляясь к начальству, через минуту он уже махал руками.

– Иди, Алиса, разъясни нашей партии правила питья исконно русского напитка.

Алиса застегнула халат на верхнюю пуговицу, поправила прическу и с высоко поднятой головой направилась к руководителям города. Своей балетной походкой на фоне милицейских машин она добила всех.

– Это ж откуда к нам такие доктора приезжают. Просто красавица, – раздевая глазами Алису, произнес первый. – Мне доложили, что вы хотите угостить больного водкой. А хватит ли ему стакана водки? Может, добавить туда снотворное или что-нибудь, чтоб наверняка?

– Судя по всему, у больного алкогольный психоз, зрительные галлюцинации и сформировавшийся бред преследования. Он с чужих рук ничего не возьмет, кроме водки, но еще не факт, что он станет ее пить. Он начнет проверять напиток на окружающих.

– Капитан, выполняйте. Раз доктор говорит, значит, так оно и есть. У меня к вам вопрос, а супруг ваш где работает?

– Его распределили на военный завод, в КБ. Но что он там делает, я не знаю, – тепло улыбнулась Алиса.

– Повезло вашему мужу! Ох, и повезло! Завидую белой завистью! А почему вы в психиатрию пошли?

– У меня отец заслуженный врач республики, вместе с мамой они преподают в мединституте, вот я и пошла по стопам.

– Отец, ваш тоже психиатр?

– Нет, у меня мама психолог. А папа возглавляет кафедру хирургии. Ну, я пойду. Капитан уже принес, что просили.

– Куда вы собрались?

– Наверх.

– Зачем?

– Я Гарика одного не оставлю.

– Кого не оставите? – переспросил первый.

– Нашего санитаря. Это очень опасно.

– Его милиция подстрахует.

– Нет. Я должна быть там. Без меня он ничего делать не будет.

– А может, мы наверх кого-нибудь из докторов мужчин пошлем, а вы с руководителями города пообщаетесь.

– Нет. Это мой больной. Ситуация может измениться в любую минуту. Я должна быть на крыше, – четко произнесла Алиса Викторовна.

– Но мы с вами не прощаемся. Идите. Удачи.

– С характером доктор, – покачал головой первый. – Знает себе цену. Узнайте, кто ее муж. Везет же людям.

Алиса догнала Гарика у самого лифта.

– Я с тобой еду, – сказала она.

– Зачем? Могла бы и с кобелями постоять. Глазки первого масляными стали, как тебя увидел. Перейти к нему в секретарши не предлагал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.